

Королевы Среданного мара

12+

Мария Берестова

Сердца
не покоряют сидой

Мария Берестова

Сердца не покоряют силой

«Автор»

2020

Берестова М.

Сердца не покоряют силой / М. Берестова — «Автор», 2020

Капризную принцессу выдают замуж за правителя соседней небогатой страны. Принцесса смиряться не намерена и будет бороться за свою свободу! Но что, если нежеланный жених как раз и помогает эту самую свободу обрести? В комплекте: эгоцентричная девчонка, которая по ходу книги взрослеет и раскрывается с неожиданных сторон; исключительно приличный главный герой, порой злоупотребляющий приемом "глаза брошенного котенка"; лучшая подруга, которая из-за безответной любви влипла по полной; роковая соблазнительница, на проверку оказавшаяся невинной девицей; обаятельный циничный эгоцентрик в роли антагониста; большое количество кинжалов, которые не только не стреляют, но даже никого и не зарезали; по-прежнему никакой магии для антуража, для антуража держите зеленые поля и цветы.

© Берестова М., 2020

© Автор, 2020

Мария Берестова

Сердца не покоряют силой

Глава нулевая

Всякий в столице Ниини с чистым сердцем подтвердил бы, что кротость, со всей определённой уверенностью, не входит в число достоинств принцессы Рэми. То ли король и королева слишком потакали своей младшей дочери, то ли просто Бог щедро отсыпал ей пламенного нрава за всю семью – но факт остаётся фактом, принцесса имела весьма непростой характер.

Однако дворцовое воспитание и лучшие учителя сделали своё дело, и если уж Рэми бралась скандалить, делала она это с особым изяществом и в такой согласии с нормами этикета, что её пассажи вызывали скорее восхищение, чем раздражение.

Вот и в этот раз, вместо того, чтобы с гневом врываться в кабинет отца, она сперва согласовала с ним свой визит через слуг, а потом ступила на порог с самой милой и кроткой улыбкой.

Король, впрочем, ни на миг не обманулся: причина визита ему была хорошо известна.

Со вздохом отложив бумаги, он с привычной властью в каждом своём движении сделал приглашающий жест рукой.

Рэми красиво повела головой, слегка выставляя вперёд правую скулу и наклоняя лоб вперёд – ракурс, с которого черты её лица казались особенно милыми, – и приветливо произнесла:

Отец, уверена, эта глупость пришла в голову не вам. Признавайтесь, кто это строит мне козни? Господин А-Гранни, ведь правда?

Поименованный был министром внешней политики, и, по правде говоря, пересекался с принцессой столь редко и по столь незначительным поводам, что подозревать его в кознях было, по меньшей мере, странно. Разумеется, Рэми и не думала его обвинять, она просто перевела в вежливую форму рвущийся из глубины сердца возглас: «Папа, ты совсем идиот – или ещё есть шансы?!»

Привычно считавший этот первичный посыл король вздохнул и начал издали:

– Рэми, послушай...

Это было дипломатической ошибкой.

– Только не говори, – невежливо перебила его дочь, разом позабыв про этикет, – что ты нашёл этому зверству какие-то политические оправдания!

– Зверству? – почувствовал себя задетым за живое король, который всегда очень заботливо подходил к делу устроению судьбы своих дочерей, и уже выдал удачно троих. – Помилуй, Рэми! Молодой А-Ларрес хорош собой и слышит рыцарем. Не говоря уж о том, что ты станешь правительницей большой и богатой страны!

Дерзко задрвав подбородок – ракурс похуже, зато передаёт серьёзность намерений, – Рэми воскликнула:

– Ты хотел сказать – варварской страны? Они дикари, отец! Ты хочешь отдать меня в жёны дикарю?

Воинственный Мариан, правителем которого был предполагаемый жених, едва ли заслуживал называться варварским. Правда, в недалёком прошлом там, в самом деле, бушевала масштабная гражданская война, с некоторым переменным успехом продолжавшаяся сотню лет. Но вот уже третье поколение жило в мире, и даже сам строй управления с тех пор несколько изменился, и не было ровным счётом никаких причин считать, что Мариану грозят новые потрясения такого рода.

– Он наш единоведец, – терпеливо возразил король, отменяя обвинения в адрес жениха. – И, как показывает его пока недолгое правление, вполне умён. Я не желаю слушать твои фантазии, Рэми. А-Ларрес сам просил твоей руки, и я не вижу причин ему отказывать.

На лице принцессы отразилось удивление. Этот самый А-Ларрес, действительно, приезжал лет семь назад, и они даже пересеклись на одном приёме и на последующем за ним балу, но, в самом деле, не было никаких причин считать, что он мог её запомнить.

В личной симпатии тут дела быть не могло, а значит – замешана политика. Рэми не была глупой, и в момент просчитала выгоды такого брака для Мариана: дочь ближайшего соседа, сильного и опасного государства, может стать каким-никаким гарантом мира. Но зачем бы отцу идти на это? Трёх её старших сестёр он пристроил за своих. Почему вдруг именно ей досталось такое сомнительное счастье?

Не разгадав суть замысла отца, вести свою игру против него можно было только наугад. Принцессу это бы не остановило, но король не дал ей слова вставить, веско резюмировал:

– Рэми, ты против любого жениха нашла бы, что сказать. Напомни мне, сколько кавалеров мы уже рассматривали? Двадцать шесть?

Принцесса сжала зубы и промолчала: кавалеров было тридцать два. Но на втором десятке отец прочно сбился со счёта.

– Тебе не угодить! – в его голосе отразилась прорвавшаяся за терпеливый тон застарелая досада. – А-Ларрес всем хорош, и решение уже принято, – резким жестом он предложил ей удалиться.

Она сделала реверанс и вышла, внутри кипит от негодования, в особенности от того, что он был прав, пеняя ей за разборчивость.

Рэми трезво оценивала свои шансы в противостоянии с отцом, и понимала, что с наскоку решить эту проблему у неё не получится. Однако ж она была не из тех, кто сдаётся и смиряется со своей судьбой. Понимая, что не сможет переубедить самого короля, который уже включил этот брак в свои политические игры, она тут же принялась в душе строить иные планы по устройству своей судьбы. Первое, что она решила внутри себя твёрдо, так это то, что женой этому зарвавшемуся дикому правителю она не станет никогда. Второе, что кипело в её сердце, была жгучая обида на отца, устроившего этот брак в обход неё и настоявшего на нём, даже когда она выступила против. Рэми была принцессой, и она вполне понимала, что есть политическая необходимость. Однако в этой ситуации воля короля казалась ей пустым самодурством: что им за выгода от союза с этим отсталым Марианом? Не было ровно никакой нужды жертвовать своей дочерью ради столь сомнительного союза! Мариан и так им слова поперёк не скажет, где их жалкая раздробленная армия, и где отборные нийские регулярные войска!

«Хорошо же! – бурчала себе под нос принцесса, меряя злыми шагами собственные покои. – Я вам всем устрою!» – мстительно обещала она.

И отцу, который так её предал.

И А-Ларресу, который полагает, что ему всё дозволено.

И этому паршивому Мариану, который смеет на что-то претендовать.

Они все у неё попляшут, не будь она Ирэмией из рода А-Риоль!

Часть первая

Глава первая

На церемонии прощания принцесса была безупречна. Мягкая тёплая улыбка, покорные и трогательные слова, изящество каждого выверенного жеста...

Это было уже не бунтом: это было самой настоящей жестокостью. Вполне возможно, что Рэми видела родных последний раз в жизни – или же, во всяком случае, увидит их теперь очень нескоро. Своей же безупречной манерой она словно бы обозначала, что принимает их за чужих. За тех, с кем надо говорить мягким слащавым тоном, за тех, на кого смотрят бессмысленными приветливыми глазами, за тех, к кому не испытывают ни грамма личных чувств.

Рэми так проявляла свою обиду; она не думала о том, что разлука будет длинной, ведь в её планах значилось намерение расстроить этот брак и вернуться. Она не думала в этот момент о том, что и суровый лишь внешне отец, и привычно-изысканная мать, и держащие себя в руках братья, и украдкой вытирающие слёзы сёстры, – все они прощаются с нею всерьёз, и поэтому её отчуждённая манера ранит их сердца.

Беда, наверное, не столько в том, что Рэми об этом не думала, а в том, что её бы только обрадовала их боль. Она всех их в этот момент считала предателями, и всем им хотела показать, что не хочет больше ничего иметь общего с семьёй, которая отказалась от неё ради каких-то сомнительных политических выгод. Рэми хотела мести, и это была её месть, более, чем успешная.

– Отец, примите мою искреннюю благодарность за устройство моей судьбы, – изысканно склонялась она в реверансе, целуя руку короля и не видя, как его лицо перекошилось от её сдержанной и такой благородной фразы, слово в слово повторённой из учебника по этикету.

– Матушка, я буду с благодарностью хранить в сердце все ваши заветы, – с тёплой признательностью приседала она уже перед королевой, не зная, что искусственно-безупречная улыбка на её устах будет ещё долго преследовать мать в кошмарах, надрывая ей сердце тем безразличием, из которого растут улыбки подобного сорта.

– Брат, будьте надёжной опорой для нашего трона, – безжалостно продолжала Рэми, приседая перед наследным принцем.

Все прочие были так же удостоены самых изысканных и приличествующих ситуации сентенций.

Закончив с положенными по регламенту изъявлениями, Рэми гордо вздёрнула подбородок и, не оглядываясь, направилась к выходу из тронного зала.

Не выдержав этого эмоционального напряжения, старшая сестра окликнула её по имени – но Рэми даже не дрогнула, и уж тем более не обернулась, а спокойно вышла вон.

Сёстры сгрудились в кучку, плача друг у друга на плече. Король и принцы моргали с таким выражением, будто сейчас к ним присоединятся, и только королева – видимо, от неё и достался принцессе столь гордый нрав, – только королева лишь крепко стиснула зубы, коря себя за то, что упустила нечто важное в воспитании младшей дочери.

К чести Рэми отметим, что она после немало ночей прорыдала, скучая по семье и мучаясь разлукой. Однако ж, не будем лукавить, ей и в голову не приходила мысль пересмотреть своё поведение. Она считала, что была права в своей обиде и холодности, и ни капельки не раскаивалась в той манере, какой выразила своё недовольство. Это вообще было слабой стороной Рэми, увлекаться в таких ситуациях, с чрезмерной жёсткостью защищая свои личные границы. Возможно, это было следствием того, что как принцесса она находилась под непрерывным давлением – ожидания родителей, этикет, высота её положения, необходимость блюсти репутацию семьи... Рэми ненавидела это всё, и поэтому так мучительно отстаивала то небольшое, что хоть как-то могла отстоять.

Самым торжественным образом праздничный кортеж двигался к границе. В каждом городе или поселении они останавливались и устраивали празднество – нийцы с восторгом встречали принцессу и желали ей всяческого счастья. Но любой путь подходит к концу, и однажды утром они добрались, наконец, до границы.

Та была обозначена вполне чётко приграничной рекой. Своим восточным пологим берегом река примыкала к Ниии, с запада же её обрамляли суровые марианские скалы. В этом месте словно встречались две культуры, два народа: густые леса богатой Ниии соседствовали с каменными утёсами, разделённые полоской воды.

Рэми вышла из кареты подышать свежим воздухом, пока командир её гвардейцев договаривался с марианской стороной в ожидании встречающих.

В прохладном воздухе привычный хвойно-медовый аромат родных лесов смешивался с чем-то новым, пыльным и тяжёлым. Принцесса ещё не ступала на земли Мариана, но они ей уже не нравились: холодные, неприветливые, дикие!

«И как мы туда подниматься будем?» – недоумевала Рэми, разглядывая неприветливый берег, на котором тут и там виднелись массивные стены пограничных фортов. Естественно, переправа была организована в том месте, где утёсы были более пологими и низкими, но даже здесь они не выглядели удобными для подъёма.

Вскоре она увидела, как её командир возвращается с каким-то марианцем. То, что это именно марианец, было сразу ясно по его одежде: мешковатые брезентовые штаны, куртка из того же материала поверх рубашки – нет, в Ниии так не одевались!

Принцесса нахмурилась. Она знала, что встречать её должен был двоюродный брат жениха, и ожидала если не эскорта, то, во всяком случае, достаточно представительного кавалера. Судя по всему, ожидания такого рода можно было забыть. Либо кузен не почтил её присутствием и послал лишь своего слугу, либо, что ещё хуже, это и есть сам кузен – и страшно тогда вообразить, как выглядит этот А-Ларрес, если даже его брат рядится в такое тряпье.

Между тем, сам марианец явно был своим нарядом доволен. К принцессе он подошёл с самой ясной и сияющей улыбкой, и тут же непринуждённо раскланялся:

– Ваше высочество, рад вас приветствовать! – дружелюбно рассиялся он всем выражением своего лица. – Готовы к переправе? – весело оглядел он её пусть и дорожный, но весьма нарядный костюм.

Недовольная принцесса изобразила своим выражением любезность и сладко ответила:

– Благодарю, сударь, но я бы сперва дождалась его высочества.

Марианец и командир удивлённо переглянулись.

– Его высочества? – решился переспросить первый, поскольку второй, знакомый с натурой своей подопечной, уже понял, что ввязываться в этот разговор не стоит.

Очаровательно улыбнувшись, Рэми пояснила:

– Мне говорили, меня встретит брат жениха, – и нежно хлопнула ресницами.

Марианец хлопнул себя ладонью по лбу и покаялся:

– Простите, и где только мои манеры! Я забыл представиться! – и, бодро раскланявшись, задорно отрапортовал: – Рассэл А-Ларрес, к вашим услугам, можно просто Рас, и без всяких высочеств!

Внутри себя ужаснувшись подобной фамильярности, принцесса любезно ответила, подавая руку для поцелуя:

– Моё высочество принцесса нийская, Ирэмия-Ангаларж-Катарин А-Риоль, герцогиня Верийская, маркграфиня Снэская, дама ордена Рассветной звезды, почётный член академии наук Ниии, вице-президент Международной конфедерации защиты прав женщин. Можно просто «ваше высочество», – мило добавила она, копируя его тон.

Рассэл не сплеховал, и вместо того, чтобы поцеловать протянутую руку, энергично её пожал. Левая бровь принцессы едва уловимо сдвинулась вверх – достаточный, с её точки зрения, знак недовольства.

Для человека, который видит её впервые в жизни, этот знак явно остался за пределами понимания, но хорошую шутку Рассэл любил, поэтому невозмутимо повернулся к командиру с предложением:

– Я предполагаю отправить её высочество грузовым подъёмником.

Прежде, чем командир успел ответить, Рэми вмешалась:

– Прошу прощения? – непреклонным тоном потребовала она разъяснений.

– Ваше высочество, – с весьма неожиданной для его наряда изысканностью поклонился Рассэл, – подъём на перевал и так не радуется удобствами, но для вашего великолепного платья он и вовсе окажется неприступен.

Он говорил, безусловно, справедливые вещи, но Рэми уже успела разгневаться, что и поспешила выразить словами:

– Какая наглость, сударь! Вы планируете отправить меня тем же путём, что переправляете скот? – оскорбилась она и резюмировала: – Даже не рассматриваю такой вариант.

Рассэл с изрядным скепсисом смерил принцессу взглядом с головы до ног, отмечая мысленно тяжёлый бархат пышной юбки, нарядную кружевную тесьму по подолу, выглядывающий из-под подола лёгкий тканевый башмачок...

– Как вам будет угодно, ваше высочество, – с осязательной насмешкой согласился он. – Прошу следовать за мной!

И, пожав плечами, развернулся и отправился к реке.

Рэми независимо хмыкнула, подобрала юбки и гордо прошествовала следом в сопровождении своей гвардии и немногочисленной свиты. Слуги остались с каретой – помогать переправить её тем самым грузовым подъёмником.

Уже на побережье процессию ждали первые испытания. Торговцы предпочитали морской путь, и перевалом пользовались одни лишь спешные гонцы, поэтому на берегу не наблюдалось никакого намёка на пристань. Единственная лодка пришвартовалась прямо к берегу, увязнув носом в топком песке. Прибрежная зона, откровенно говоря, напоминала болото, и если отодвигать густую поросль не было большой проблемой, то вот куда ступать – оказалось той ещё задачей. Стиснув зубы, принцесса старательно берегла туфельки, тщательно выбирая, куда поставить ногу, но в непосредственной близости от лодки столкнулась с проблемой – откровенно подтопленный песок не позволял найти ни одного сухого места.

Оценив ситуацию, Рассэл присвистнул, скинул ботинки, бросил их на нос лодки, отослав охранявшего её марианца на корму, закатал штанины и, крепко ухватившись, лихо подтянул лодку поглубже к берегу. Заскочив на нос, он, лучезарно улыбаясь, протянул руку принцессе:

– Прошу!

Мысленно возведя глаза к небу, Рэми неохотно приняла эту помощь, опёрлась и ступила в лодку, поспешив удалиться от носовой части с её мокрыми башмаками и лужей воды, растекающейся от голых ног Рассэла. Последние, должны сказать, смутили её особо, и внутри себя она взмолилась, чтобы её жених оказался хоть немного воспитанней, чем этот бесцеремонный оборванец.

Переправив на марианский берег принцессу и часть её гвардии, лодка сделала ещё несколько ходок, перевозя оставшихся. Дождавшись, когда все нийцы окажутся, наконец, на нужном берегу, Рассэл – уже, к счастью, обувшийся, – велел следовать за ним и отправился вверх по тропе.

И в первые моменты весьма крутая, тропа, чем дальше, тем круче становилась, и спасало её только то, что время от времени марианцы явно пытались её облагородить, создавая лопатами и камнями какие-то подобия ступеней, дающих опору в самых трудных местах.

Сперва Рэми хранила гордую осанку, осторожно вышагивая по этим ненадёжным опорам, потом осознала бесперспективность такого политеса и согласилась опираться на руку командира своей гвардии. Впрочем, эта опора не очень-то ей помогала бороться с другими проблемами: пышная юбка так и трепалась в траве, норовя запутать ноги и ей, и командиру, а докучливая тесьма цеплялась за всё, что только попадалось ей на пути, и даже начала неприятно отрываться. Изящные туфельки на маленьком каблучке тоже не способствовали комфорту передвижения.

Обозлившись вконец и на платье, и на тесьму, Рэми резким и агрессивным жестом свободной рукой подтянула юбки повыше, являя миру свои панталоны. Абсолютно недопустимое этикетом действие – но этикет и не предполагает, что вам придётся карабкаться по горной тропе наравне с мужчинами!

Усмирив юбку и тесьму, Рэми почувствовала себя гораздо лучше: ничто больше не путалось в ногах, норовя уронить её на каждом шагу. Но на этом её злоключения не закончились. Подъём всё длился и длился, и у Рэми, которая не обременяла себе спортивными занятиями, ощутимо заканчивалось дыхание. Каждый шаг давался всё труднее, но гордость не позволяла ей попросить об остановке – она продолжала шагать и шагать в выбранном ритме, и скорее огласилась бы рухнуть вниз и разбиться, чем признала бы, что сил у неё уже не осталось.

К счастью, именно в этот момент Рассэл объявил передышку – в этом месте образовалась естественная площадка, от которой уходила другая тропа, ещё выше.

– Только к краю не подходите, – предупредил Рассэл, оборачиваясь неожиданно для принцессы.

Та, зло сверкнув глазами, быстро оправала юбку и, вопреки предупреждению, подошла к краю поближе – и замерла, поражённая прекрасным видом. Родные леса с высоты показались ей необыкновенно густыми, похожими на волнующееся море. Ветер колыхал кроны, как если бы это были волны, и лес казался таким живым!

– Сверху вид ещё больше завораживает, – довольным голосом сообщил Рассэл, оглядываясь вокруг.

Он не был частым гостем на перевале, и потому наслаждался открывающейся перспективой как редкой диковинкой. Таких обширных и густых лесов в Мариане было мало, и сам он редко имел возможность ими любоваться.

«А она всё-таки молодец, – хмыкнул он про себя, искоса глядя на принцессу. – Хотя и с норовом!»

Способность Рэми совершить этот подъём произвела на него впечатление – он-то приготовился встречать хрупкое и изнеженное существо, не приспособленное к жизни. Принцесса казалась довольно капризной и склонной снобничать, но, в целом, не всё было потеряно – на неискушённый взгляд Рассэла, который не очень-то смыслил в чужеземных принцессах и изрядно переживал за семейную жизнь брата.

«Может, не так и плоха», – вынес внутри себя вердикт он.

К счастью, Рэми даже и не догадывалась, что её тут оценивают и взвешивают. Привыкшая выносить строгие и категоричные суждения о других, она и мысли не допускала, что кто-то может применять такие приёмы к ней. Ведь она – дочь короля Ниии, и выше каких бы то ни было оценок!

Глава вторая

Изматывающий подъём, наконец, закончился, и Рэми была вознаграждена за него вдвойне.

Во-первых, её гордость приятно ласкало осознание, что она выдержала столь суровое испытание и утёрла нос этому мужлану, который, уж точно, мечтал над ней посмеяться. Не на ту напал! Нет, Рэми могла по праву гордиться столь нетипичным для принцессы достижением.

Второе же, что поразило её до глубины души – открывшийся с вершины перевала вид.

Должны признать, Мариан был чудо как живописен. Богатый рельеф создавал удивительные волнистые картины, в которых разномастные холмы и пригорки чередовались с долами и долинами, где ручейки и овраги рождали водопады и водовороты, где невысокий кустарник сменялся травой и вереском, а небольшие роци вносили приятные акценты в это царство плавных зелёных линий.

У Рэми от восхищения перехватило дыхание; ничего даже близко похожего она не видела ни в родной Ниии, ни в степной Анджелии, ни даже на зелёном Сире, чьи побережья до этого дня казались ей самым прекрасным местом на свете.

Рассэл, тоже на несколько минут залюбовавшись открывшейся картиной, теперь с любопытством косился на принцессу: ему была интересна её реакция. Он не в первый раз встречал иностранных гостей, и про себя делил их на два типа: тех, кто кривил нос и даже взглянуть не удосуживался на фантастический пейзаж, и тех, кто в восторге забывал о всех своих предубеждениях и был очарован полностью.

Ему со всей определённостью хотелось выяснить, к какому типу принадлежит невеста брата, поэтому он решил поторопить её реакцию вопросом:

– Как вы находите нашу страну, ваше высочество?

Принцесса обернулась к нему; восхищение мигом пропало из её глаз. Приветливым и ясным тоном она произнесла вполне приличествующую ситуации фразу, какую сказал бы всякий человек, не желающий из вежливости обидеть чужестранца и вынужденный хвалить что-то дорогое его сердцу.

У Рассэла от недоумения дёрнулась бровь.

В реакции принцессы восхищение и презрение смешались в столь странно-равных пропорциях, что сделать какие-то выводы не представлялось ему возможным.

Некоторое время они всё ещё стояли на перевале – ожидали прибытия экипажа и женской части свиты.

Вынуждены отметить, что, к большому огорчению Рэми, из всех её фрейлин лишь одна согласилась последовать с ней в этот страшный Мариан. Остальные не захотели бросать – кто родителей, кто жениха, кто наследство, кто пышный нийский двор. Алиссия, подруга детства, была единственной, кто без сомнений и колебаний разделила свою судьбу со своей принцессой.

Кроме того, отправилась в путь и гувернантка, воспитывавшая Рэми чуть ли не с пелёнок наравне с матерью, которая в своём выводке из девятерых детей не всегда могла уделить достаточно времени и внимания младшей дочери. Именно из-за гувернантки, неспособной преодолеть столь сложный подъём, Алиссия тоже решила проследовать наверх на грузовом подъёмнике – в отличии от Рэми, она не видела в том ничего унижительного.

Наконец, дамы и карета прибыли, и процессия приступила к спуску – куда как к более пологому, не говоря уж о том, что им не требовалось достичь подножья, по пути их ждал гостеприимный форт и горячий обед.

Марианцы расстарались на славу, приготовив такой пир, что хоть в балладах описывай. Вот только принцесса их усилий не оценила: у себя во дворце она ценила диковинные и утончённые блюда, в которых контрасты неожиданных вкусов смешивались с необычными способами приготовления, а изысканные специи и фирменный соусы даже простой мясной стейк превращали в гастрономический шедевр.

В Мариане же приветствовалась, в первую очередь, сытность блюд. Готовили здесь просто, без каких-то изысков, и стол правителя мало чем отличался от стола его подданных, разве что мяса на нём было побольше.

Зато Рэми к своему облегчению заметила, что все окружающие её марианцы, пусть и не пытаются следовать столовому этикету досконально, во всяком случае, умело пользуются ножом и вилкой. Это явно говорило в пользу их цивилизованности и не могло не радовать – выдержать отсутствие манер за обеденным столом было бы точно выше её сил!

К сожалению, от переизбытка впечатлений и волнений Рэми так и не смогла запомнить всех тех, кого ей спешно представили, и отчаянно путалась внутри себя, пытаясь понять, где тут командир караула, где начальник её нового сопровождения – родные нийцы передавали её на попечение людей жениха, – где хозяин крепости, а где... нет, она не может даже припомнить, кто ещё сидит теперь за этим столом. А ведь со всеми приходилось поддерживать любезную беседу!

Она старательно хвалила обед, отмечая простоту и сытность блюд как достоинство, хвалила климат, о котором пока ничего не знала, хвалила даже какой-то неведомый ей род цветов,

который ей почему-то называли несколько раз – лишь после догадалась, что это были те цветы, которые украшали стол. По правде говоря, она была ужасно рада, что сегодня они уже никуда не поедут и заночуют в форте – ей катастрофически необходим был отдых.

После обеда её проводили в большую и довольно бедно обставленную комнату, но Рэми не склонна была привередничать, в конце концов, это военный форт. Мягкая постель да тёплая печурка – что ещё надо!

Принцесса прилегла всего на минутку – и уснула на несколько часов, вымотанная утренними приключениями. Встав к вечеру, она выглянула в окно – и от восхищения вскрикнула.

Оставалась ещё пара часов до заката, но солнце уже клонилось к горизонту, и его лучи приобрели мягкий медный оттенок. В свете этих мягких лучей марианские холмы, увитые вереском, выглядели сияющими и прекрасными.

– Алисс! – воскликнула принцесса, оглядываясь. – Пойдём скорее!

Прикорнувшая в этой же комнате подруга мгновенно сбросила сонную хмурь и тоже выглянула в окно.

Захлопав в ладоши, Алиссия радостно воскликнула:

– Пойдём! – и, подхватив принцессу под руку, смело отправилась искать выход. Им не раз приходилось вдвоём ускользать от пригляда слуг и свиты, поэтому и в этот раз всё прошло без помех – тем более, что гвардейцы обеих стран сошлись в дружеской попойке и явно не ожидали прыти от своей уснувшей подопечной.

Спуск с перевала оказался несколько сложнее, чем ожидалось, но вскоре они добрались до возделенных холмов – как раз в самый удачный момент, когда золотистое закатное солнце омывало всё вокруг волшебным сиянием.

– Какой запах!.. – восторгалась Алиссия, набирая охапку цветов.

– Какие птицы!.. – вторила ей Рэми, не отставая в этом занятии.

В себя их привёл взволнованный крик:

– Ваше высочество!..

Рэми обернулась. По направлению к ним бежал, запыхавшись, не то начальник гвардии, не то владелец форта, так и не вспомнилось.

– А мы вас потеряли! – обиженно отрапортовал он, добежав и постаравшись отдышаться. «Наверно, начальник гвардии», – сделала вывод Рэми.

– Хорошо, что вас из окошка видать! – порадовался марианец. – А то уже тревогу объявлять хотели! – попенял он.

Принцесса встала в гордую позу:

– Немного стоит моя новая гвардия, как я погляжу, – надменно констатировала она.

Против ожиданий, предполагаемый начальник гвардии рассиялся от гордости, подкрутил усы и довольным голосом похвастался:

– Так у меня тут лучшее вино севера! И праздник же!

«А, всё-таки хозяин крепости», – сменила вердикт Рэми.

В Ниини ей удавалось сбегать от свиты и слуг, но вот от опеки гвардии деться она не могла никуда. Отец берёт дочерей как зеницу ока, и хоть один гвардеец, да следовал за нею на случай незапланированных передраг.

То, что в Мариане ей удалось так легко уйти от стражей, с одной стороны, внушало тревогу, с другой – будоражило воображение и манило перспективами более свободного житья.

– И часто у вас тут принцессы теряются? – любезно спросила Рэми, следуя за марианцем обратно в форт. Алиссия, не поддерживая разговора, шла за ними, продолжая собирать цветы.

– Ну, так если госпожа Нэсми, – степенно принялся рассказывать предполагаемый хозяин крепости, – так, почитай, всё лето где-то пропадает, иной раз и к нам засылают искать, – махнул он рукой куда-то в сторону. – А ежели брать госпожу Траиссу, так та уже год непойми-где шатается.

Брови Рэми вежливо приподнялись.

Нарисованная в её воображении картина выглядела нелепой и неправдоподобной. Как это – принцессы пропадают, где им вздумается? У неё-то каждый шаг чуть ли ни в дворцовую хронику вносили!

Рэми растерянно оглянулась на подругу в надежде, что та как-то прокомментирует новую информацию, но не дождалась никакой реакции – цветы явно всё ещё были интереснее.

Подъём к форту оказался не таким уж сложным, и скоро компания вернулась во двор, где их ждал ещё один марианец – насупившийся, хмурый и сложивший руки на груди в позу самую что ни на есть недовольную.

– Шэл, иди там вино отбери, – сходу послал он сопровождающего девушек.

– Сию минуту! – бодро козырнул тот и отправился внутрь.

«Так, стоп, кажется, хозяин крепости всё же этот», – снова передумала Рэми, приглядываясь к хмурому марианцу.

– Верх безрассудства! – начал вдруг выговаривать он. – Ваше высочество, ну не ребёнок же вы! – резко рубанул он рукой с досадой.

Рэми нахмурилась, готовясь к скандалу, но тут в ситуацию вмешалась Алиссия.

– Нас просто приворожили ваши прекрасные марианские цветы, – ясно улыбнулась она марианцу, – вы только поглядите! – и вынула из своего букета один особенно красивый цветок, протягивая его мужчине.

Тот машинально взял.

Пока он искал достойные слова для ответа, девушки успели просочиться за дверь.

– Цветы тебя приворожили? – рассмеялась принцесса, быстрым шагом следуя к своей комнате.

– Нет, конечно же, его усы! – в ответ рассмеялась Алиссия, изображая кончиком своей косы те самые усы.

Первую шалость на территории Мариана подруги посчитали успешной проведённой.

Глава третья

От перевала до столицы добирались неделю и, на взгляд Рэми, это было непозволительно быстро. По дороге сюда она привыкла останавливаться на праздник чуть ли ни в каждом населённом пункте, а здесь они просто ехали с остановками для отдыха и еды, и никаких торжеств! Не то чтобы Рэми очень уж любила мероприятия такого рода, скорее даже наоборот: они её утомляли, от них часто начинала болеть голова. Но всё же отсутствие подобных знаков внимания казалось ей недопустимо оскорбительным: она же, как ни крути, невеста правителя этой страны! Могли бы и отпраздновать её явление!

Марианцы, в домах которых они останавливались на ночлег, вели себя одинаково приветливо и любезно, но Рэми была несколько обескуражена разницей в их жилищах. Первая ночь после отъезда с перевала прошла в каменном холодном форте, напоминающем сторожевую башню и лишённым хоть каких-то элементов уюта внутри. Хозяин этого форта был угрюм и суров, размерами напоминал медведя, и оставил по себе не лучшие впечатления. Вторая остановка сделалась в том, что сами марианцы называли «замком», но на вкус принцессы это строение больше напоминало обычную загородную усадьбу. Усадьба эта порадовала богатством интерьеров, а её хозяйка – любезной светской беседой, камерной музыкой и обсуждением поэзии. А вот на третью ночь, к удивлению Рэми, им вообще досталась обычная деревянная изба, хотя её хозяин, судя по фамилии, был дворянином. Несмотря на скудность убранства, изба удивила изысканным ужином – такого в Мариане ей ещё не попадалось. На четвёртую ночь их снова ожидал «замок», весьма бедный и запущенный, зато его хозяйка показала Рэми приятнейшими людьми, и ей даже было жаль уезжать. На пятый раз они въехали в небольшой город

и остановились в одной из городских усадеб, богатой до такой степени, словно её вырвали из какой другой страны и перенесли в Мариан волшебством. На шестой день был другой город и покои в ратуше. Седьмой, перед приездом в столицу, порадовал очередной избой – правда, двухэтажной.

Несмотря на отсутствие праздников и столь странное разнообразие в пунктах ночлега, принцесса получала от поездки куда больше удовольствия, чем готова была признать. Мариан, чем дальше, тем больше ей нравился: великолепные зелёные холмы сменялись рощицами, вересковые поля чередовались с приречными камышами, а вид из кареты открывался такой, что дух захватывало, особенно, когда они достигали вершины очередного холма.

Даже сама себе Рэми не призналась бы, что ждёт приезда в столицу с нетерпением: ей было ну просто ужасно любопытно, как выглядит главный город Мариана и каким в нём окажется дворец. Из того, что она уже видела, следовал логичный вывод: Мариан крайне неоднороден, и нипочём нельзя заранее угадать, каким будет новое место, в которое они попадут. Воображение принцессы рисовало самые яркие фантазии, от неприступной каменной твердыни, украшенной шкурами диких зверей и доспехами, – до изысканного дворца, радующего глаз богатством отделки и тысячью приятных взгляду мелочей.

Однако ожидания её всё равно были обмануты: карета остановилась у простого городского особняка.

– Столичное гнездо семейства А-Ларрес! – торжественно объявил Рассэл, подавая ей руку.

Принцессе хватило несколько секунд, чтобы найти объяснение. Ну конечно! Она же пока просто невеста – должно быть, по марианским обычаям, ей не положено жить во дворце. Возможно, она даже была бы скомпрометирована тем, что поселилась бы там до брака. Так что вполне логично, что её отправили сюда.

Особняк оказался вполне приятен: чистый, аккуратный, с не очень богатой, но со вкусом подобранной отделкой. Рэми по достоинству оценила и свою комнату, пусть и небольшую, но убранную на нийский манер и вполне изысканную. Видно, что здесь готовились принять принцессу, и постарались устроить её с должным почтением!

Не успела Рэми толком обустроиться, как снова появился Рассэл, чтобы проводить дам в столовую. Рассадив всех за большим овальным столом, он с весёлой улыбкой человека, хорошо исполнившего свой долг, резюмировал:

– Ну вот и кончилась моя почётная миссия! Осталось только Эрта найти и с рук на руки передать...

– А чего меня искать? – раздался от порога не менее весёлый голос, и в столовую вошёл повелитель Мариана лично. – Меня прям с Совета выдернули, говорят, беги, невеста приехала! – он оглядел стол и безошибочно узнал принцессу, которой на момент их единственной встречи было около десяти, подошёл ближе, улыбнулся шире и радостно воскликнул: – Рэми, какой же красавицей ты стала!

Та отчаянно покраснела, не зная, как себя вести в столь странной ситуации. Не придумав ничего лучше, она встала со своего места, сделала глубокий реверанс и, опустив ресницы, пробормотала:

– Ваше повелительство!..

Поименованный несколько раз удивлённо моргнул – не привык, чтобы к нему обращались по этому заковыристому титулу, – и переглянулся с братом. Тот взвёл глаза к небу и сделал рукой странный жест, который можно было расшифровать «ну какая-то вот такая».

– Ну почему бы и не «повелительство», – пробормотал Эртан, теребя подбородок и разглядывая долгожданную невесту.

Та в этот момент занималась тем, что незаметно, из-под ресниц, разглядывала в ответ его, пытаясь понять, насколько плохи дела.

С одной стороны, штаны из замши внушали ей некоторую надежду на то, что одевается жених хоть в какой-то мере сообразно своему статусу. С другой стороны, простая хлопковая рубашка, какую носят обычные горожане, и отсутствие камзола или сюртука явно говорило в пользу обратного предположения.

С третьей стороны, как ни досадно было принцессе это признавать, отец был прав: повелитель Мариана, во всяком случае, молод и хорош собой. Это было почему-то особенно неприятно.

Между тем, Рассэл решил взять на себя нелёгкую миссию по налаживанию дипломатических мостов между этой парой и торжественно провозгласил, явно подражая какому-то церемониймейстеру и полностью повторяя фразу, сказанную самой Рэми:

– Её высочество принцесса нийская, Ирэмия-Ангаларж-Катарин А-Риоль, герцогиня Верийская, маркграфиня Снэская, дама ордена Рассветной звезды, почётный член академии наук Ниии и вице-президент Международной конфедерации защиты прав женщин! – пафос в его голосе зашкаливал до того момента, как в конце он ни добавил ехидно: – Для вас, ваше повелительство, можно просто «ваше высочество».

Рэми гордо выпрямилась ещё в начале представления, радуясь, что хоть что-то идёт по протоколу, и к концу любезно протянула жениху руку для поцелуя. Тот подошёл и руку послушно взял, но целовать не стал, вместо этого с не менее серьёзной миной отрапортовал:

– Его повелительство ралэс Мариана Эртан А-Ларрес, повелитель Ан-Хило, Ан-Насо, Ан-Муро, Ари-Муро, Ари и Ан-Муркиро, наместник Лара, трёхкратный чемпион боёв на саблях и просто хороший парень. Для вас можно просто Эрт, – любезно закончил он, целуя, наконец, её руку.

Момент смазал своим хихиканьем Рассэл.

– Ты только мурийцам не ляпни, что ты их повелитель, – со смехом посоветовал он брату.

– Я бы и хилатам не стал такого говорить в лицо, – с самым серьёзным видом заверил его Эртан.

– Ну, хилаты только посмеются, – небрежно махнул рукой Рассэл. – А вот мурийцы...

Эртан досадливо поморщился: тема явно была ему неприятна.

Рэми почувствовала, как по спине побежал холодок: судя по этому разговору, столь нагло набивающегося в мужья правителя могут легко свергнуть какие-то не очень довольные им мурийцы. Звучало не очень обнадеживающе!

– Вы обедать собирались? – сменил тему Эртан. – Я с вами, раз уж вырвался от этих старикашек, – махнул он рукой куда-то в сторону и уселся на первое попавшееся свободное место, после чего принялся с любопытством разглядывать немногочисленную свиту принцессы, состоящую из гувернантки и Алиссии.

Принцесса тоже устроилась на свой стул, с недоумением рассуждая, будет ли уместно с её стороны представить своих дам. Пока она взвешивала все за и против, подруга её опередила, смело подавая правителю руку прямо через стол:

– Алиссия, – представилась она с улыбкой.

– Эрт, – любезно ответил тот, пожал протянутую ему руку и с ожиданием повернулся к гувернантке.

– Мадам Леста, – отрекомендовалась та, столь же непринуждённо протягивая руку через стол и получая своё рукопожатие.

Рэми почувствовала себя в высшей степени неудобно, но, слава Богу, тут слуги принесли первые блюда, и она смогла переключиться на них.

Пока все утоляли голод, за столом царила совсем несветская тишина, нарушил которую, в конце концов, неугомный Рассэл:

– А где все? – спросил он брата, обводя рукой стены.

С улыбкой тот ответил:

– Уехали к Касту рыбачить. Ты бы их догнал и на свадьбу позвал, ладно? – предложил он.

Рэми чуть не поперхнулась, но тут же взяла себя в руки и сдержанно отметила:

– Не хотелось бы начинать знакомство с жалоб, ваше повелительство, но меня до сих пор не ознакомили с графиком торжественных мероприятий.

Эрган и Рассэл растеряно переглянулись. Рэми с ужасом поняла, что либо в этой стране не приятно составлять графиков, либо торжественных мероприятий и вовсе не намечалось.

– Приношу свои извинения, – первым пришёл в себя Эрган. – Сегодня же вечером вам всё принесут, – заверил он.

Действительно, принесли. На плотной гербовой бумаге, написанный каллиграфическим почерком с большим количеством завитушек, и снабжённый пятью сургучными печатями разной толщины.

В графике торжественно значилось:

1. Семейный завтрак с девицами А-Ларрес, 7:00.

2. Подготовка к торжеству, 8:00-8:30.

3. Праздничный кортеж, 8:30-9:00.

4. Церемония венчания, 9:00-12:00.

5. Праздничный обед в ратуше, 12:00-14:00.

6. Праздничный бал в ратуше, 14:00-16:00.

7. Брачная церемония, 16:00— 16:30.

Рэми подумала, что это какая-то странная шутка.

Потом подумала ещё и решила, что, пожалуй, с марианцев станется даже королевские свадьбы праздновать всего один день.

Потом подсадовала, что ей так и не сказали дату.

С другой стороны, время явно ещё было – раз Рассэл отправился за таинственными «всеми», которые должны быть приглашены.

С глубоким вздохом принцесса устроилась в удобной и мягкой кровати. Нужно было хорошенько выспаться и всё-таки придумать, как избежать брака, который с каждым открывающимся фактом казался ей всё менее и менее привлекательным.

Глава четвёртая

Эрган был в значительной мере обескуражен.

Знакомство с невестой прошло совсем не так, как он предполагал, и теперь он тщетно пытался понять, когда всё пошло не туда.

Дело в том, что в свой единственный приезд в Ниию он получил самые благоприятные впечатления о младшей из принцесс. Их короткое, но яркое знакомство состоялось в день официального приёма. Поскольку главным действующим лицом со стороны марианцев выступал отец Эргана, то сам Эрган предпочёл при первой возможности сбежать с душного скучного мероприятия в дворцовый сад. Там он и обнаружил затруднение принцессы, которая намеревалась последовать его примеру, но не могла сделать это напрямую из-за приглядывающей за ней свитой. Однако уже в детские годы Рэми отличалась большой предприимчивостью, поэтому и не подумала опускать руки, и решила сбежать через окно. Проблема была в том, что окна второго этажа находились высоковато для её маленького роста, поэтому она просто высунулась наружу и никак не решалась попытаться выбраться. Завидев проходящего мимо Эргана, она тут же окликнула его и затребовала помощь, коя и была ей незамедлительно оказана. Оказавшись на земле, довольная принцесса тут же убежала по своим делам, а Эрган подумал, что не всё так плохо в этой чопорной стране, пока в ней рождаются такие вот королевские дети.

Можете себе представить, насколько тот далёкий образ не сошёлся в его голове с тем, что он увидел сегодня! Глядя на Рэми сейчас даже предположить было невозможно, что в детстве она куда-то сбегала из окошка, заручившись помощью первого же прохожего. Собственно, именно из-за этого яркого эпизода Эртан со всей определённой полагал, что выбрал себе жену крайне удачно: и союз с Ниией укрепил, и девушку с марианским свободолюбивым духом при этом получил.

К сожалению, выяснилось, что Рэми ни капельки не такова, как он о ней думал.

Но переигрывать было поздно: если теперь отправить её назад к отцу – точно грянет война, а к войне Мариан никак не готов.

«Придётся жениться», – почесав лоб, вынес вердикт Эртан.

Не на кого пенять, сам придумал – сам и отдувайся.

С глубоким вздохом он принялся обшаривать домашнюю библиотеку – двоюродный дед, помнится, был помешан на этикете, навряд ли от этого увлечения должно было что-то остаться.

В Мариане все эти чопорные нормы никогда не были в чести, и А-Ларресы в этом отношении ничем не отличались от остальных. Хоть какую-то книжку по этикету найти было трудно просто потому, что она никому даром не нужна была. Но Эртану всё-таки повезло: дед не подвёл. С большим трудом, но удалось откопать потрёпанное такое пособие... толщина которого никак не внушала оптимизма.

Со вздохом Эртан посмотрел на часы.

На том в своих руках.

И принялся искать оглавление: всё он точно не осилит, а с невестой общаться уже завтра.

Мысли Эртана были полны благих намерений. Он полагал, что, раз уж этот брак был его инициативой, налаживать комфортное общение – это тоже его зона ответственности. И раз невеста оказалась замороченной, то, ничего не попишешь, надо эти заморочки изучить и общаться с нею на её языке.

В системе своих взглядов Эртан катастрофически упускал тот момент, что успешное общение – это зона ответственности обеих сторон. Но в заблуждении ему оставалось пребывать недолго. Ведь Рэми как раз и не собиралась ничего налаживать, напротив!

С утра принцесса встала бодрой и полной сил и готовности бороться за свою судьбу. В самом боевом расположении духа она уже продумывала, как блеснуть невыносимостью своего характера таким образом, чтобы наглый жених сбежал, сверкая пятками и осеняя себя святым знаменем.

Её коварные планы были с утра же нарушены предусмотрительным Эртаном. Ограничившись в своём внушительном учебнике параграфом, посвящённым ухаживаниям, он тут же взял на вооружение способы покорить сердце истинной леди. Первым из таких способов был указан, конечно, традиционный букет, и именно его и принесли Рэми с утра пораньше, торжественно и чинно.

Тут стоит отметить, что Эртану в высшей степени повезло: Рэми прекрасно знала язык цветов, распространённых в Ниии, а вот в марианских сортах не разбиралась. Поскольку сам правитель знать не знал, ведать не ведал, что цветы могут что-то означать и символизировать, то просто выбрал на свой вкус то, что выглядело изысканней. Букет получился хорош на вид, но совершенно неприличен по содержанию – точно не то, что дарят невесте из благородного рода на второй день после знакомства. Но тут уж, слава Богу, судьба была на стороне Эртана: Рэми внутренний посыл букета не уловила.

К сопроводительной же записке Эртан отнёсся с особым вниманием и трепетом: его учебник гласил, что это важная деталь, по которой леди оценивает, насколько воспитан и перспективен кавалер. Перебрав пяток шаблонов, Эртан старательно вывел на плотной белой бумаге высокого качества несколько каллиграфических строк (вспомнил упражнения юности!), в коих

уведомлял, что дела управления вынуждают его утро провести в ратуше за решением государственных вопросов, но от обеда и до самого вечера он будет в полном распоряжении своей прекрасной невесты и с удовольствием покажет ей город.

Рэми недоумённо хлопала ресницами, читая это послание: то ли Эртан перестарался, то ли учебник деда всё же устарел, но использованные им пассажи были даже чересчур изысканны.

У принцессы мучительно рвались шаблоны. Всё, что она знала о Мариане вообще и об его правителе в частности, никак не вязалось ни с безупречным этикетным жестом, ни со стилем записки.

«Да что ж это такое!» – Рэми даже стало душно, и она принялась обмахиваться запиской, досадливо морщась и не находя повода придрасться. Таким образом, Эртан добился прямо противоположного желаемому эффекта. Он хотел доставить невесте удовольствие привычными ей знаками внимания, а вместо того вызвал лишь досаду и раздражение.

Возможно, ошибка его заключалась в том, что, прежде чем начинать ухаживать за девушкой, недурно бы сперва выяснить, согласна ли она принимать ваши ухаживания?

Так или иначе, до обеда Рэми оказалась предоставлена самой себе, причём в весьма неожиданной форме: Эртан занимался государственными делами, Рассэл с рассветом отправился вслед за обитателями особняка, гвардия посчитала свою задачу выполненной и вернулась в городские казармы, а Рэми... осталась предоставлена двум своим дамам и слугам.

Сперва принцесса даже не поняла, что происходит. Ей всё казалось, что ей просто выделили какого-то совсем уж невежливого компаньона, который никак не явится пред её светлые очи. Однако время после завтрака шло, а никто не появлялся, и Рэми всё же пришлось сделать вывод, что она осталась в особняке одна – и не имеет ни малейшего представления, чем себя занять до обеда. Ходить по дому в одиночку ей казалось неприличным – ведь здесь были чужие жилые комнаты. Выходить наружу казалось неразумным – она не знает города и не имеет охраны. Чем предполагалось занять её внутри – совершенно неясно, потому что никаких распоряжений хозяева дома не оставили, и попытка что-то выяснить у слуг не прибавила никакой информации.

Разбирать свои вещи всерьёз Рэми не планировала – она надеялась поскорее отправиться домой. С толком закопаться в чужую библиотеку – так и времени столько нет, и без позволения хозяев неприлично. Кто, кстати, хозяева в этом доме? Кто-то из таинственных «всех», за которыми уехал Рассэл?

Промаявшись час, бесцельно блуждая по лестницам и коридорам и не находя ничего интересного, Рэми решила попробовать высунуться наружу.

Во входном холле обнаружился пожилой слуга, вязавший чулок. Он не обратил на Рэми ровным счётом никакого внимания.

Принцесса подошла к выходу и дёрнула за ручку – дверь открылась.

Принцесса обернулась: слуга невозмутимо вязал и явно не планировал ничего предпринимать.

Принцесса сделала шаг наружу и огляделась.

Столичный особняк А-Ларресов находился ближе к границе города, в районе, где вольготно расположились и прочие особняки богатых семей. Расстояния между зданиями были обширными и наполненными деревьями и кустарниками, из-за чего было трудно поверить, что находишься в городе. Сделав несколько шагов и оглянувшись во все стороны, Рэми обнаружила обширный сад, уходящий в обе стороны от усадьбы, ухоженную подъездную дорогу, которая соединяла гнездо А-Ларресов с другими домами, а также виднеющийся за деревьями соседний особняк.

В самом деле, ничто вокруг не указывало на то, что она находится в городе! Приусадебная территория огорожена живой изгородью из колючих шипастых цветов, нежный и терпкий

аромат которых доносился даже до крыльца. Подъездная дорога с обеих сторон оформлена пышными клумбами, к которым подведена какая-то незнакомая принцессе система полива. Меж плодовых деревьев направо отходит вымощенная булыжным камнем дорожка, которая прихотливо петляет и, кажется, ведёт к фонтанчику где-то в глубине. Налево простираются более высокие и суровые деревья, и дорожки там вытоптаны прямо в траве, но из-за того, что их посыпали песком и обсадили низкорослым кустарником, они выглядят аккуратно. Сам фасад дома и крыльцо утоплены в раскидистом плюще, там и сям расцвеченным бутонам вьюнка. Нельзя было не отметить, что садом занимался человек с безупречным вкусом: все цветущие растения представляли собой одну цветовую гамму, от белого – до нежно-голубого.

«По крайней мере, не будет вреда прогулять по саду», – решила Рэми, которую так и манила правая дорожка.

В авантюру такого рода непременно стоило завлечь подругу.

Вернувшись в холл, принцесса привлекла к себе внимание слуги деликатным покашливанием и велела:

– Будьте добры, позовите мою компаньонку, Алиссию, я хочу прогуляться с нею по саду.

Старик досчитал петли, оторвался от своего занятия, задрал голову и неожиданно громким раскатистым басом крикнул:

– Алисс! Тебя тут в сад зовут!

Принцесса застыла у входа в ошеломлении.

Слуга невозмутимо вернулся к своему занятию.

Со второго этажа по лестнице радостно застучали каблучки Алиссии.

– Держи! – сунула она в руки Рэми невесть откуда взявшееся яблоко, пролетая мимо. – Чего стоишь-то? – аппетитно хрустя ещё одним, удивлённо обернулась она от порога.

Отмерев, принцесса надкусила яблоко и вышла вслед за подругой.

Нет, к этой марианской манере, решительно, невозможно привыкнуть!

Глава пятая

Сад оказался невелик, поэтому девушки до обеда успели исследовать обе его половины. Правая, парадная, была наполнена вишнями и яблонями, ягодными кустами и пахучими пушистыми голубыми цветками на высоких стеблях. Небольшой фонтанчик, в самом деле, обнаружился примерно в центре, правда, он скорее представлял собой вазон со стоячей водой, а не фонтан. Ещё нашлись скамейки, увитая белыми ползучими розами беседка и небольшие качели.

Левая сторона, более дикая, не содержала ровным счётом ничего интересного – если не считать за таковое разлапистую иву, на которую Алиссия тут же предложила залезть. Пооглядывавшись и не обнаружив никаких соглядатаев, принцесса согласилась. К полному единогласию девушек, ива была признана идеальным местом для летних уютных посиделок.

Задний двор за усадьбой представлял собой богатый огород, и туда подружки не пошли – во-первых, неинтересно, во-вторых, большая сторожевая собака не располагала к близкому знакомству.

На всё про всё у них ушла пара часов, так что они ещё успели вернуться в дом и привести себя в порядок к обеду.

Точно ко времени в столовую явился Эртан – даже обзаведшийся ввиду ухаживаний каким-то камзолом. Правда, камзол этот он предпочёл нести в руках – Рэми решила, что из-за летней жары, Алиссия приметит, что из-за суровой протёртости на локтях.

Застольная беседа не заладилась. Эртан добросовестно пытался утром почитать в своём учебнике, как там положено себя вести за столом благородному джентльмену, но дела так и не дали ему такой возможности. Он только успел краем глаза заметить, что есть целый ряд

недопустимых для застольной трапезы тем беседы, и есть огромное количество разновидностей того, как, в зависимости от типа блюда, держать столовый прибор. С обречённой отчаянностью Эртан понял, что наверняка держит эти самые приборы неправильно, что не прибавило ему ни разговорчивости, ни весёлости.

Принцесса предпочитала молчать, потому что ей нужна была ссора, а начинать ссору первой – моветон, требуется повод со стороны собеседника.

Алиссия помалкивала, потому что ей было не по чину первой начинать разговор в присутствии правителя чужой страны и своей принцессы.

Гувернантка же, хорошо знавшая свою подопечную, предпочла не встречать и не давать той повода зацепиться за беседу и устроить скандал.

Когда тягостный обед, наконец, подошёл к концу, Эртан первым радостно вскочил – невольно вынудив этим встать и всех остальных (таких нюансов поведения сотрапезников правителя он тоже пока не вычитал в своей книжке). Не разглядев этикетную подоплёку манёвра, Эртан подумал, что принцесса сама торопится на прогулку, и радостно протянул ей ладонь:

– Ну что, пойдём?

Рэми посмотрела на его руку с большим недоумением, пытаясь понять, чего он от неё хочет. Её единственным предположением было то, что по марианским обычаям почему-то принято в конце трапезы целовать королю руку – хм, может, в благодарность за пищу и кров? Однако в эту концепцию не вписывался тот факт, что Эртан протянул ладонь тыльной стороной кверху – ведь не могли же, правда, обычаи отличаться так сильно, чтобы в Мариане было принято целовать тыльную сторону руки?

Пошамкав пальцами воздух и обнаружив, что ладошку ему подавать не собираются, Эртан быстро переориентировался и сделал протянутой рукой приглашающий жест в сторону двери.

Рэми несколько раз быстро моргнула, собираясь с мыслями, и глупо переспросила:

– А сопровождение?

Эртан тоже несколько раз моргнул, но никак не выдал свою растерянность, совершенно спокойно ответив с такой интонацией, будто речь шла о вещах само собой разумеющихся:

– Конечно же, я оставил этот вопрос на ваше усмотрение. Итак! Какое сопровождение вы предпочитаете, ваше высочество? – спросил он таким тоном, как будто они все тут задерживаются только из-за того, что Рэми не сообщали своевременно о своих предпочтениях по этому вопросу.

– Мне будет достаточно моих дам, – с величественным видом вынесла вердикт принцесса.

– Тогда прошу, – Эртан снова сделал широкий жест к дверям.

Здесь ему никакой учебник был не нужен. То, что дам в дверях положено пропускать вперёд, он прекрасно знал с детства.

А вот то, что даже дамы пропускают в дверях правителей, ему сказать забыли, поэтому последовала невнятная заминка, во время которой Рэми пыталась просчитать, стоит ли напомнить жениху о его статусе, или пусть катится.

Победило второе.

Вздёрнув подбородок, она решительно шагнула к дверям.

После выхода на улицу Эртан поравнялся с нею, а вот дамы, ухватившись под ручку, немного отстали.

Рэми с недоумением оглянулась в поисках экипажа и ничего не обнаружила.

– Как! – невольно выразила она своё удивление. – Вы предлагаете идти пешком, ваше повелительство?

Эртан посмотрел на неё с некоторым недоумением и заверил, что до центральной площади им идти всего четверть часа, причём по самым живописным местам.

Учитывая, что усадьбу ей презентовали как нечто, находящееся на самой границе города, Рэми испытала нехорошее подозрение по поводу предполагаемых размеров столицы.

– Что ж, прекрасно, – кротко вздохнула она и позволила увлечь себя в прогулку.

Мигом оживившийся Эртан принялся деловито рассказывать, мимо чего они сейчас проходят – сперва, пока они шли по широкой подъездной дороге между усадьбами, речь шла о выдающихся фамилиях, кои обосновались в этих краях. После они нырнули в узкую улочку, вымощенную булыжником. Вокруг возвышались дома с каменным одно— и двухэтажным основанием, имеющие ещё деревянные надстройки там и сям. В одном месте поверх такого каменного этажа возвышалась даже целая башня, увитая тем же плющом, что уже был ей знаком. Рэми отметила, что чуть ли ни на каждый свободный пяточок марианцы норовят вклеить дерево или куст. Некоторые даже ставили кусты в кадках в те места, где просто земли не было. Из-за этого упорно создавалось впечатление, что город выстроили прямо в роще – а извилистая улица, которая самым причудливым образом огибала то или иное дерево, только убеждала в этом предположении.

При всей красоте и живописности открывающихся мест, очень скоро принцесса поняла, что прогулка такого рода ни в малейшей степени не подходит её туфелькам: невысокие, но тонкие каблучки постоянно цеплялись за выпирающие булыжники. Как всякая благородная леди, Рэми стойчески терпела и делала вид, что ничего не происходит, но с учётом того, как она умудрилась споткнуться три раза за минуту, её затруднения заметил даже Эртан.

– Так не пойдёт! – остановился он весьма неожиданно, прервав интересный рассказ о местном аптекаре, который, если послушать его, чуть ли ни каждый выходной сражался с болотными чудовищами или грабил лесных ведьм.

Оглянувшись и немного похмурившись, Эртан увлёк дам в какой-то переулок, пояснив: – Здесь будет короче.

Рэми почти неслышно вздохнула. Ей уже никуда не хотелось идти, даже по более короткому пути.

Однако Эртану удалось её удивить: вместо главной площади они неожиданно выбрали к лавочке сапожника.

– Эгей, Берг, бродяга, ты тут? – с порога возопил правитель, оглядывая помещение, доверху набитое башмаками и каким-то огрызками, и насквозь пропахнувшее кожей.

– Кого это там!.. – раздалось от окна, и между странных плетёных коробов появилась недовольная физиономия. – О, Эрт! Какие люди! – радостно констатировал сапожник, узнав посетителя.

– Выправи-ка туфли моей невесте, – сразу перешёл к делу Эртан, за локоть выдвигая Рэми вперед.

Та так удивилась, что даже не отдернула руку.

Сапожник, деловито покашляв, жестом фокусника извлёк откуда-то стул, в два быстрых шага подлетел ко входу, определил стул на самое удобное для посадки место, сделал бровями Эртану знак сажать и закопался куда-то в свои огрызки.

Рэми и опомниться не успела, как её усадили, сняли старые туфли, обмерили, и уже через минуту сапожник начал латать какие-то свои заготовки.

– А вам туфельки не потребуются? – повернулся Эртан к сопровождению.

Гувернантка с кокетливым хихиканьем приподняла подолы юбок, демонстрируя крепкие добротные ботинки. А вот Алиссия захлопала в ладоши и заверила, что, конечно, потребуются.

Поскольку сапожник был занят, Эртан похозяйничал сам, откопав где-то второй стул. Ноги, правда, обмерять не стал, оставив эту работу профессионалу.

Сапожник справился с туфлями принцессы за несколько минут – у него была полная лавочка заготовок на любые размеры, которые он умело подгонял на ногу заглянувшим к нему путникам. Именно эта молниеносность обслуживания сделала его самым известным мастером

в столице – вместо того, чтобы ожидать заказанную обувь несколько дней, можно было зайти сюда и сразу же выйти в обновке.

Пока Берг трудился над туфлями для Алиссии, Рэми с удивлением разглядывала собственные ноги. Новая обувь выглядела простоватой и грубой, но сидела, на первый взгляд, идеально. Сделав несколько шагов по лавке, принцесса поняла, что отродясь не мерила ничего настолько комфортного – разве что домашние туфли.

Эртан выглядел весьма довольным. Настолько довольным, что Рэми тут же захотелось сделать ему какую-то гадость, поэтому она приняла на себя самый приветливый вид, присела в глубоком реверансе и тренировано почтительным голосом выдала:

– Благодарю, ваше повелительство!

Сдержанное: «О, не стоит!» – никак не выдавало эмоций, но вот ехидный смешок, который вырвался у сапожника, подсказывал, что она на верном пути по части демонстрации невыносимости своего характера.

Впрочем, Берг оказался слишком вежлив, чтобы как-то комментировать подобные политесы, поэтому попросту уведомил, что старые туфли отправит к А-Ларресам. Эртан невозмутимо расплатился, вывел всех на улицу и продолжил путь в центр города.

Рэми внутри себя вынуждена была признать, что в новой обуви чувствует себя гораздо лучше и даже получает от прогулки большое удовольствие. Отмечать это вслух она, конечно, не собиралась, как, впрочем, и то, что рассказы Эртана были весьма увлекательны.

Глава шестая

Центральной площади они, действительно, достигли через несколько минут. Та радовала глаз единственным по-настоящему роскошным строением в городе – каменная четырёхэтажная ратуша с дополнительными надстройками совершенно не вписывалась в своё окружение и смотрелась монументально и хмуро.

– Удивительная история! – оживился Эртан, с удовольствием разглядывая это чудо архитектурных изысканий. – Вы, верно, слышали, ваше высочество, о проблемах частой смены власти в эпоху нашей большой войны?

Принцесса кивнула. Кто ж не слышал! На протяжении почти сотни лет ни один ралэс в Мариане не смог проправить дольше года, из-за этого даже упорно ходили слухи о некоем проклятии, которое косит правителей. Сама Рэми сильно сомневалась в мистической подоплёке истории – в конце концов, как раз двоюродный дед Эртана положил конец подобным слухам, утвердив на престоле династию А-Ларресов.

– Так вот, – продолжилась история, – один кандидат ужасно хотел стать ралэсом, и решил подкупить Совет, чтобы, значит, его избрали. Совет согласился, но с условием, что новоиспечённый ралэс полностью оплатит строительство новой ратуши. Вот так и разорился род А-Нирсенов, а мы обзавелись этим чудом, – с гордостью резюмировал Эртан, пожирая глазами детали резной отделки.

Рэми подумала, что Мариану уже не удастся удивить её странными сочетаниями – не после центральной площади. Массивная ратуша соседствовала здесь вплотную с крохотной церквушкой, которая радовала свежей побелкой и полным отсутствием отделки. Противоположную сторону площади занимало то, что принцесса сперва приняла за парк, но, приглядевшись, разобрала под деревьями торговые лавочки. Одну из оставшихся сторон занимали деревянные домишки, среди которых заметно возвышалась пожарная каланча, а напротив вразной стояло несколько домов побогаче.

– А где же дворец? – спохватилась принцесса, ещё раз окидывая взглядом площадь. – Или он отдельно стоит? – заинтересовалась она.

– Дворец? – хмуря брови, переспросил Эртан, опять потеряв нить её рассуждений.

– Или у вас ратуша совмещена с дворцом? – уточнила Рэми, пытаясь выяснить, где проживает собеседник, но явно подбираясь к вопросу слишком издалека.

– Зависит от того, что именно вы подразумеваете под дворцом, – выкрутился Эртан, гордый таким ловким пассажем.

– Королевский дворец, – лекторским тоном принялась пояснять Рэми, – это место, где живёт королевская семья и двор.

Правитель просиял, выяснив, что именно ей нужно, и весело отрапортовал:

– Ну, дом нашей семьи вы видели, а двор – кто где. В ратуше только старцы живут, у остальных свои дома и усадьбы.

До Рэми с минуту доходила мысль, что дворца в столице не существует – не считать же за таковой довольно скромный особняк, в котором её поселили!

Потом до неё ещё минуту доходило, что в этот особняк её определили с концами – не просто как пока ещё невесту, но и как жену повелителя.

Следующим выводом была мысль, что Алиссию и гувернантку, конечно, там тоже разместили с комфортом, но места для регулярного женского дворцового штата там явно нет.

– Но где же мне поселить мой двор! – огорчённо воскликнула принцесса, которая, конечно, не собиралась задерживаться в Мариане на такой срок, чтобы обзаводиться собственным двором, но нервы-то жениху потрепать надо!

– Ваш двор? – не подвёл жених, кажется, слегка побледнев и вообразив, что откуда-то из Ниии на него медленно, но неотвратимо надвигается длинный караван карет, битком набитых чопорными девицами, планирующими расселиться в марианском королевском дворце.

– Кто у вас положен по штату для жены ралэса? – невозмутимо уточнила Рэми, чувствуя себя, наконец, на своей почве. – Статс-дамы, фрейлины, камер-фрейлины, обер-гофмейстерина?

Лицо Эртана вытянулось, он принялся что-то подсчитывать: «Лис, Вента, Бени» – после чего выдал:

– Считайте, что первые три уже есть, а вот четвёртой можно сделать Алиссию, – кивнул он через плечо.

Несмотря на всю склонность Рэми к скандалам и язвительности, в этот момент она даже растерялась, осознав, что ей предлагается закрыть все придворные должности всего четырьмя женщинами, включая компаньонку.

– Не любите раздувать штат, да? – уныло переспросила она.

Отец неоднократно жаловался на «раздутый» женский штат во дворце – немудрено, четыре принцессы и одна королева, и у каждой – свой маленький двор. Речи о том, что нужно быть умеренной и экономной, Рэми слышала неоднократно, но даже в страшном сне ей не могло присниться, что в альтернативу её прекрасному «экономному» штату из двадцати дам ей предложат всего четыре!

– Было бы кем раздувать! – беззаботно рассмеялся Эртан.

Сопоставив его возглас с размерами города, Рэми заподозрила нечто ужасное, что и поспешила уточнить:

– А сколько вообще людей живёт в столице, ваше повелительство?

Неопределённо поведя плечом, тот покрутил рукой в воздухе, что-то прикидывая, и не разочаровал:

– Тысяч пять.

Теперь уже вытянулось лицо у принцессы.

– Ты слышала, Алиссия? – повернулась она к подруге. – Это же как в нашей Гончарной слободке!

Ранее непробиваемый её пассажирами ралэс на этом месте ощутимо нахмурился. Алиссия сделала круглые глаза: мол, что ты несёшь? Слободка, на самом-то деле, была совсем даже слободой, и жили там отнюдь не только гончары.

– Наконец-то отдохнём от шума, – мило улыбнулась Алиссия Эртану, пытаясь сгладить впечатление от слов принцессы. – Всегда любила очарование небольших уютных городов!

Эртан облегчённо заулыбался и подтвердил, что да, марианцы тоже предпочитают небольшие поселения, потому что сроду не любят тесниться.

Однако шпильки Рэми, судя по всему, всё же попали в цель, потому что его разговорчивость на этом иссякла, и дальнейшая прогулка прошла скучно и вяло.

В этот же день после ужина принцесса достала из своих вещей удобный блокнот и принялась составлять коварный план. Сегодня она славно потрудилась, выискивая слабые места противника, и с однозначной точностью обнаружила главные болевые точки, которые нужно было использовать против него. Во-первых, Эртан явно гордился родной страной, и поэтому очень остро воспринимал сравнения не в её пользу. Во-вторых, этикет и протокольные нормы его весьма тяготили, а тут уж Рэми знала, где развернуться! В-третьих, он привык к живому неформальному общению, поэтому лучший способ отвратить его от всяких идей о женитьбе на ней – это держать выдающуюся дистанцию, быть неприступно-ледяной и всячески подчёркивать, что брак ничего не изменит в этом отношении.

Перечитав споро набросанные пункты, Рэми довольно потянулась. Возвращение домой замаячило на горизонте, и всю эту поездку вполне можно обозначить как приятные летние каникулы. А значит, нет ничего странного в том, что этими каникулами она наслаждается – а Рэми должна была признать сама с собой, что Мариан ей весьма понравился, и в такой вольной и почти дикой жизни есть что-то, несомненно, привлекательное.

Что касается Эртана, то он ощутимо приуныл. Попытка сойтись с невестой, пользуясь привычными ей средствами, не удалась – а ведь он потратил столько усилий, пытаясь придержать язык, изъясняться куртуазно и вести себя дипломатично!

Надо отметить, что неудача подобного рода была у него первой. Обычно Эртан сходиллся с новыми людьми легко и непринуждённо, не прилагая к этому особых усилий – фамильное обаяние досталось ему вполне, чем он и пользовался. Впервые это самое обаяние дало осечку: Рэми явно не была очарована, и у него даже сложилось впечатление, что её мнение о нём успело ещё больше упасть за этот день.

Больше всего его огорчало, что она словно отгородилась от него высокой стеной – это ощущалось так, будто он так и не сумел наладить с ней контакт. Даже с её дамами он чувствовал себя более привольно и уверенно – они обе оказались настроены дружелюбно, и он уже сложил некоторое впечатление об их характерах.

Про характер же Рэми он не мог сказать ничего, потому что так и не сумел пробиться к ней-настоящей, а вся эта внешняя идеальная мишура не казалась ему хоть сколько-то живой.

Немного поразмышляв, Эртан выдвинул гипотезу, что принцесса переживает, как бы в Мариане не снизился тот уровень комфорта, к которому она привыкла под крылом отца. Тут, конечно, ему не удастся соперничать с нийским королём, но и опускать руки он не намерен. Внутри себя ралэс принял решение доказать невесте, что здесь ей будет даже лучше, чем там.

Для этого, в первую очередь, неплохо было бы выяснить, зачем ей потребовались все эти камер— и обер-, но, к сожалению, Эртан даже названия должностей не запомнил, не говоря уж о том, чтобы догадаться, чем все эти дамы должны быть заняты, и почему их отсутствие может служить огорчением. Учебник по этикету таинственно молчал, не давая никаких комментариев по этому поводу, а в исторические трактаты, посвящённые Ниии, он заглянуть не догадался, так что решил отложить вопрос до прибытия сестёр – три светлые женские головы наверняка найдут решение!

Глава седьмая

Когда шумная компания, состоящая из младшего поколения А-Ларресов, соизволила вернуться в столицу к свадьбе своего родича, их ожидал весьма странный и, чего греха таить, холодный приём.

Нет, сперва всё как раз было удивительно дружелюбно – встреча карет, проводы до дверей, обе створки которых услужливо придержали переодетые в лакеев садовник и повар.

А вот дальше понеслось!

Для начала хозяев напугал тот самый слуга, которого мы уже заставляли за вязанием чулка. Раздобыв где-то огромную дубину, он шумно грохнул ею о паркет и принялся звучно и басовито возглашать:

– Его светлость Аркаст А-Ларрес, глава рода А-Ларрес, управитель Ан-Насо, с супругой и наследницей!

Поименованный Аркаст аж пригнулся от неожиданности, ожидая нападения; кроме того, должны признать, что он за двадцать пять лет своей жизни впервые узнал, что у него, оказывается, есть какой-то таинственный титул, и звучит он как «его светлость».

В Мариане титулы были не в чести. Когда кто-то из марианцев уж очень хотел выпендриться куртуазностью, использовали слова «сударь» и «сударыня». Единственным исключением из этого правила стал многострадальный титул правителя – то самое «ваше повелительство», которое и выговорить ещё попробуй, и без смеха же слушать невозможно! Эртан вон до сих пор на каждый третий раз смеялся, хорошо хоть, нечасто его так величали.

В общем, только спустя пять секунд Аркаст разглядел брата, который торжественно восседал в роскошного вида кресле, скорчив весьма кислую физиономию. Сбоку от него сидела в высшей степени высокомерная девица, коя взирала на вновьприбывших холодно и строго.

Старик с дубиной, тем временем, грохнул ещё раз, и принялся объявлять дальше, представив ещё трёх девиц и за компанию – Рассэла.

После столь странного приветствия Эртан встал (девица незамедлительно проделала то же) и сухим, но хорошо поставленным голосом повторил весь тот набор титулов принцессы, который мы уже слышали.

– Рада знакомству, – сладко улыбнулась Рэми, наслаждаясь всеобщим потрясённым молчанием.

Далее на минуту воцарилась тишина. А-Ларресы были слишком шокированы приёмом, Эртан слишком устал за последние два дня, полные придирок и шпилек, а Рэми лихорадочно искала повод сказать что-то язвительное.

Первым пришёл в себя Рассэл, как самый опытный в деле взаимодействия с отдельно взятыми нийскими принцессами.

– Ваше высочество! – с идиотской шутовской улыбкой раскланялся он. – Вы распространяете элегантность и изысканность везде, где появляетесь! – умело ответил он ей её оружием, спрятав насмешку за вполне благолепным комплиментом.

– Завидую удачливости брата, – картинно приложил руку к груди Аркаст, незамедлительно получив ревнивый тычок от супруги. Впрочем, после двухсекундных переглядок та мгновенно включилась в игру, присев в реверансе, достаточно изящном для находящейся в положении дамы, которая при этом ещё и держит за руку непоседливого двухлетнего ребёнка:

– Счастливы оказаться в вашем сиятельном обществе, ваше высочество! – прощепетала она.

Все они, в особенности три промолчавшие девушки, выглядели слишком весёлыми и явно с трудом сдерживали смех, поэтому Рэми без труда поняла, что над ней издеваются, и слегка покраснела.

– Мне нужно заняться почтовыми делами, – с достоинством сообщила она жениху, найдя предлог сбежать. – Буду счастлива разделить с вами обед, мессеры, дамы! – величаво кивнула она остальным и ушла нарочито медленно, чтобы показать, что вовсе даже не сбегает, и вообще, вполне владеет ситуацией.

Стоило её шагам смолкнуть на втором этаже, как присутствующие всё-таки рассмеялись.

– И что это было? – весело поинтересовался Аркаст, подходя к слуге, забирая у него дубину и начиная её с любопытством разглядывать. В дубине несомненно узнавалась коряга, которой подпирали заднюю дверь, чтобы ветер не хлопал.

– Она что, всегда такая? – спросила одна из девушек у Рассэла.

– А она в курсе, что это, вообще-то, мой дом? – сердито выступила вперёд другая.

– Боюсь представить себе обед в её обществе! – закатила глаза третья.

Заговорили они все практически одновременно – уж очень хотелось поделиться впечатлениями.

Эрган со стоном рухнул в кресло и прикрыл глаза рукой.

– Нет, я, конечно, знал, что всё запущено, – возроптал Рассэл, – но чтобы настолько!

Меж тем та девушка, которая претендовала на звание хозяйки дома, присела на подлокотник кресла к брату и строго заявила ему:

– Эрт, сели её где хочешь, хоть в ратуше, хоть у Ланишки, но я в своём доме таких порядков не потерплю!

Со всех сторон послышался одобрительный гул.

– Поддерживаю! – флегматично отвлёкся от дубины Аркаст. – А то так недолго и получить... – помахал он для наглядности этим «оружием».

Их было сейчас слишком много в этом холле, и все стремились высказаться одновременно, поэтому следить за ходом беседы оказалось проблематично. Так, две сестры уже отцепились от общего разговора, живо обсуждая свои впечатления от предполагаемой невестки.

– Лиис, я сам не знаю, что с ней делать, – признался Эрган сестре-хозяйке. – Она мне за эти дни доконала, – провёл он ребром ладони по горлу.

– А я говорила, что жениться на нийке – дурная идея, – ввернула третья сестра, отвлёкшись от разговора.

– Попрошу! – возмутилась жена Аркаста. – Вообще-то, мой дед – тоже нииец!

По правде сказать, она была в большей степени занята дочкой, чем разговором, и среагировала только на ключевое слово.

– Прости, Вин, я имела в виду принцесс, – мгновенно переиграла сестра, не желая ссориться.

Жена Аркаста махнула рукой – чего уж там – и удалилась наверх. Остальные потихоньку двинулись за ней, и вскоре с Эрганом остались только Лис и Рассэл.

– Вот и чего ты всё это устроил? – насмешливо поинтересовался последний, устраиваясь в кресле принцессы.

Эрган неопределённо помотал рукой в воздухе.

– Понравится ей хотел, – мстительно расшифровала Лис, прожигая брата недовольным взглядом.

– Ууу! – прокомментировал Рассэл.

И без того бывший на взводе Эрган вскочил:

– Между прочим, это ты обеими руками выступал за укрепление союза с Ниией таким способом! – помахал он в воздухе руками, видимо, обозначая «такой способ».

Рассэл выгнул бровь и мягко отметил:

– Ну, я точно не советовал тебе устраивать подобные игрища, – кивнул он на кресла. – Это ей следует привыкать к нашим обычаям, а не нам – копировать её, – тоном объяснения прописных истин добавил он.

Безусловно, Эртан и сам это прекрасно знал.

– Не ты тут с ней торчал три дня, выслушивая! – буркнул он. – Легче было устроить «подобные игрища», чем все эти... – он передёрнулся лицом и торсом и слащавенько передразнил: – «Конечно, в первобытных обществах люди не разделяются по статусу, но, безусловно, признаком цивилизации является деление на социальные ступени и уважение статуса...» Тьфу.

Рассэл и Лис скептически переглянулись.

– Она вправду настолько ужасна? – не поверила Лис.

Задумчиво почесав щёку, Рассэл на правах знатока, прошедшего с принцессой бок-о-бок целую неделю, резюмировал:

– Она, безусловно, девица себе на уме и с претензией, но чтобы уж настолько кошмарна?

Эрт... – задумчиво протянул он. – А ты её ничем не обидел, нет?

Расхаживающий по холлу Эртан раздражённо взмахнул руками и воскликнул:

– Да её на ровном месте тысячью способов обидеть можно! Почём я знаю!

Поражённая вспышкой обычно сдержанного брата Лис тихо предложила:

– Ну ты бы поговорил с ней, что ли... это ж невозможно – вот так.

Лицо Эртана стало ещё отчаяннее.

– Ты думаешь, я не пытался? – спросил он.

– Делааа... – протянул Рассэл, сочувственно вздыхая.

– Нужно просто поставить её на место! – закатила глаза Лис, настроенная более чем радикально.

Она приходилась Эртану и Аркасту родной сестрой, и ничто так не задевало её за живое, как дела братьев. Если милая Лис и была способна стать гневной гарпией – то только в тех ситуациях, где задевали интересы её семьи. И она однозначно уже записала нийскую принцессу в должники.

– Лис. – Неожиданно сурово пресёк её мстительные планы Эртан. – Давай я сам разберусь, ладно?

Закатив глаза к потолку ещё раз, девушка согласилась, про себя подумав, что выдрать принцессе все волосы всегда успеется.

Рэми, к счастью, об угрозе своей шевелюре не подозревала: она и впрямь занялась почтовыми делами. Следовало написать домашним и заверить их, что она прекрасно устроилась – как именно «прекрасно» можно устроиться в городишке с пятидесятичным населением, отсутствием дворца и совершенно неподобающим её положению размером свиты, было прописано на пяти листах, мелким убористым почерком. Суть посылы сводилась к «проникнетесь, в какую несусветную глушь вы меня отправили!» и должна была вызвать у родичей угрызения совести.

Если же говорить откровенно, то Мариан принцессе скорее понравился, и она была в восторге и от его природы, и от такой уютной и зелёной столицы, и особенно – от вольной, не обременённой этикетом жизни. Но признаваться в подобных глупостях Рэми, конечно, не собиралась! Пусть страдают, представляя, как ей отчаянно плохо в этом краю дикарей и отсутствующих удобств!

Собрав письма от своих дам – гувернантка писала сестре, а Алиссия выдала целый ворох конвертов, видимо, отрапортовавшись чуть ли ни всем знакомым, – принцесса передала корреспонденцию пожилому слуге из холла. Все мелкие поручения такого рода лежали на его плечах.

После этого оставалось лишь приготовиться к обеду. Охотно верилось, что с поддержкой такой многочисленной толпы недовольных ею А-Ларресов вопрос отмены её брака решится в кратчайшие сроки.

Глава восьмая

Перед обедом в курительной собрались трое братьев. Что характерно, никто из них не курил. Младших А-Ларресов вообще было справедливо причислить к вымирающему виду «приличных мальчиков из хорошей семьи» – из вредных привычек у них методично прослеживалась разве что фамильная дурость, ввиду которой они зачастую сперва действовали, а потом уж думали.

Возможно, отчасти их исключительной «приличности» способствовала манера матушки двоих из них вместо страшилок на ночь пересказывать особенно яркие эпизоды богатых семейных хроник. История про то, как один курящий сверх меры А-Ларрес трижды довёл свою жену до выкидыша постоянным дымлением в её присутствии, и продолжал бы и дальше, если бы на третий раз бедняжка не отдала бы Богу душу, была одним из самых ярких впечатлений детства. Матушка третьего не отставала, щедро делясь схожими историями своего северного рода, в котором один из храбрых предков сгорел заживо с кучей своих матросов, забыв потушить папиросу на корабле. Правда, вот к этой истории у подростков братьев возникли вопросы, до того неправдоподобной она казалась, но в детские-то годы их проняло насквозь, так что взрослый скепсис уже не смог прорваться через те яркие впечатления.

Поэтому курительная использовалась исключительно как совещательный кабинет.

Аркаст, самый старший из них, устроился в проёме окна – это было его любимое место. Богатый плющ не только обрамлял стену снаружи, но и настойчиво лез в проём, из-за чего здесь было особенно уютно. Старший не любил город и камни, большую часть жизни провёл в фамильном замке, на природе, и сейчас полностью принял от отца основные дела рода – а их, надо сказать, было немало, ветвей семейства хватало, и заботиться о благополучии всех дальних родственников ой как непросто. Собственно, из-за этого отец спихнул дела на сыновей и уехал с женой на юга, поближе к морю.

Эртан присел на краешек стола, болтая ногой. Он был вторым по возрасту, и как уже отмечалось, приходился родным братом Аркасту и Лис – самой младшей из них троих. Бремя правителя ему досталось также от отца. Благо, сложный и запутанный титул ралэса предполагал, что его можно в любой момент свободно передать тому, кого предыдущий правитель сочтёт хорошим наследником. Из своих сыновей, многочисленных племянников, троюродных братьев и прочей родни предыдущий ралэс выбрал Эртана за усидчивость и методичность, умение доводить дела до конца и счастливый талант легко сходитьсь с людьми. Последнее было для Мариана, с его раздроблённостью и воинственно настроенным населением, особенно важно.

Рассэл, самый младший, остался у дверей, прислушиваясь, не идёт ли кто. Он приходился первым двум двоюродным братом – его мать была младшей сестрой отца Эртана и Аркаста. Бени, та из трёх девушек, которая переживала о сегодняшнем обеде, была его родной сестрой. Из всех них Рассэл обладал наиболее стратегическим типом мышления и был хорош в продумывании долгоиграющих комбинаций, поэтому почти непрерывно находился в разъездах, претворяя в жизнь свои грандиозные идеи.

Собственно, брак с Рэми был одной из этих грандиозных идей. Отношения Мариана с соседями были более чем отвратительны – можно сказать, что дипломатические контакты почти отсутствовали. Угроза внешних завоевателей висела над страной непрерывно, и являлась самой главной внешнеполитической проблемой.

У Мариана было три могучих соседа – Ниия, Ньон и Даркия – и налаживание отношений решили начать с первой. Во-первых, нийцы и марианцы были родственным народом, их языки практически не отличались друг от друга, а вера была одной. Во-вторых, граница с Ниией была самой безопасной – собственно, все лесные территории Мариана нийцы завоевали ещё полтора года назад и остановились как раз у той естественной преграды, переки-

нуть за которую войска было проблематично. Да, нийцы могли обойти эту преграду по морю, но берега Мариана скалисты и неприветливы, и нападение с этой стороны тоже столкнётся с большим количеством естественных преград. И, наконец, в-третьих, король Ниии относился к соседям благосклонно, и хотелось закрепить этот успех. Было бы очень удачно, если бы в следующем поколении нийский король был дядей марианскому ралэсу.

Хотя политические браки в Мариане и практиковались, обычно расчёт происходил между различными кланами и семействами внутри страны. Вот уже лет двести, как ни один марианский правитель не пытался закрепить своё положение на международной арене дипломатическим браком, и братья, по совести говоря, просто не знали, как всё это положено делать. Рассэл высказал саму идею, Эрган раскопал в архивах образец дипломатических предложений такого рода, – и понеслось.

Тогда, когда это только пришло им в голову, все трое переживали скорее о том, что нийский король ответит отказом, и никто из них не подумал, а что делать дальше, если он согласится. Но вот, принцесса у них, и оказалось, что все проблемы только начались.

– Ну в самом деле, она не так уж и плоха, – уныло защищал Рэми Рассэл, который за короткое путешествие успел разглядеть в ней пару хороших черт.

Эрган смерил его тяжёлым мрачным взглядом, глубоко вздохнул, передёрнул плечом и ответил:

– Плоха или нет, а отказываться поздно.

– Сочувствую, – от всей души откликнулся от окна Аркаст.

– Всегда можно что-нибудь придумать, – оптимистично начал строить планы Рассэл. – Пусть родит наследника, а там – поселим её куда подальше, и пусть там скандалит. Вон, к А-Лерси отправим. Самое милое дело.

Между А-Ларресами и А-Лерси вот уже третье поколение шла непримиримая вражда.

Постучав пальцами по наличнику, Аркаст хмыкнул:

– А это было бы даже интересно. Кто кого, она или Рейн?

Эрган фыркнул:

– Хотел бы я на это посмотреть!

– Давайте его пригласим? – азартно подорвался Рассэл. – Готов оплачивать все его кружева ради такого дела!

Братья рассмеялись, потом замолчали: проблема так и не была решена.

– Знаешь, что, Эрт? – задумчиво протянул Аркаст. – Тебе просто нужно её хорошенько... – вставил он непечатное слово, заставив младших братьев слегка покраснеть.

Как человек женатый, в вопросах подобного рода он пользовался среди них авторитетом.

– Думаешь, поможет? – скептически переспросил Эрган.

– Наверняка, – весело кивнул Аркаст, который привык разрешать ссоры с женой именно таким образом, поэтому полагал себя великолепным знатоком женской психологии.

Младшие переглянулись и пожали плечами.

– Попытка не пытка, – поддержал предложение Рассэл. – Может, у неё это вообще чисто нервное перед свадьбой? У девиц же бывает, – с некоторым сомнением заметил он.

Не то чтобы у Рассэла была хоть одна причина считать себя знатоком женской психологии, но он ещё помнил, как они всей толпой успокаивали перед свадьбой Вин.

– Тогда, наверно, стоит форсировать процесс, – с глубоким сомнением протянул Эрган, потирая подбородок и бросая вопросительный взгляд на старшего.

Тот скорчил неопределённую гримасу, покулупал краску на наличнике, сделал рукой странный жест и пробормотал:

– Ну, в конце концов, мы все сюда для этого и сорвались... – и, внезапно приняв решение, выпрямился: – Пойду тогда со священником договорюсь. Завтра тебе подойдёт?

– Форсировать так форсировать? – скептически высказался Эртан. – Впрочем, лучше уж поскорее со всем покончить. Давай завтра, – согласился он. – Только я ей бал и пир в ратуше обещал.

– Рас? – вопросительно выглянул бровь Аркаст.

– Всё организую! – поспешно взмахнул руками он. – Сейчас прям и начну! – и вылетел за дверь.

Аркаст, выходя, хлопнул младшенького по плечу:

– Крепись, Эрт! – сурово выговорил он и ушёл договариваться.

Оставшись один, Эртан тяжело вздохнул. Назвался ралэсом – изволь соответствовать!

Но кто ж знал, что жениться на принцессе – такой геморрой!

...Рэми же пока ещё пребывала в счастливом неведении. Ей даже в голову не могло прийти, что её столь тщательно и толково продуманные манёвры могут привести к прямо противоположному результату. А всё от того, что она слишком привыкла действовать окольными путями. С батюшкой-королём лоб в лоб не очень-то поспоришь, так что поднаторела Рэми именно в обходных манёврах, которые должны бы выводить её к цели не напрямую.

Вот и перехитрила сама себя: все её ужимки приняли за нервозность невесты и вместо того, чтобы свадьбу отменить, решили, напротив, её поторопить.

Глава девятая

К обеду было разбежавшаяся семья снова собралась вместе. Аркаст благополучно договорился со священником и даже заскочил по дороге в ратушу, предупредить старцев. Рассэл уже успел оббежать часть города, и теперь деловито давал распоряжения сёстрам: кого пригласить, за кем послать, у кого чего прикупить и кого для дела принанять.

Все заметно оживились, как-то слегка подзабыв то неприятное впечатление, которое на них произвела невеста, и поддались настроению радостного предвкушения. Даже Эртану показалось, что брат-то дело говорит, и уже завтра основная проблема будет решена, и дальше всё пойдёт тихо-гладко.

Рэми же всё ещё пребывала в неведении – не то чтобы она с кем-то из них общалась, не то чтобы кто-нибудь додумался сообщить счастливой невесте о дате празднества.

Атмосфера радостного оживления в столовой умерла в тот момент, куда туда ступила принцесса: торжественно разодетая, в высшей степени чопорная и более чем высокомерная. Она выделялась среди них как нечто неуместное и чужеродное, и особенно это было видно в наряде и в уборе.

Рэми носила платья, привезённые из Ниии: богато расшитые, с жёстким корсетом, с пышным подъюбником. Такие платья подразумевали высокую причёску и изысканные драгоценности.

Мода Мариана была куда как проще. Даже сёстры правителя одевались в простые однослойные платья, под которые в лучшем случае надевали рубашку или облегчённый корсет. Дома волосы носили не собранными или заплетёнными в косы, на улицу надевали косынки, повязки или шляпки. Просто и сдержанно. У принцессы же даже повседневные домашние платья были пышнее и наряднее.

К большой досаде Рэми, Алиссия сразу же влюбилась в марианскую моду, и уже всю щеголяла местными обновками, которые ей были весьма к лицу.

В одиночку изображать из себя парадный портрет было... неуютно, да.

Хотя никто из А-Ларресов и слова ей не сказал, Рэми почувствовала себя неуместно расфуфыренной. У принцессы был прекрасный вкус, и он теперь страдал от её собственной неуместности в этом простом и домашнем окружении. Обычный деревянный стол явно покрывали скатертью только ради неё, фарфоровой посуды на всех присутствующих не хватило –

очевидно, сервизом тоже пользовались нечасто. Оживлённые девушки в простых платьях не стеснялись перегибаться через стол, опираться локтями, стучать посудой. На другом конце дочка Аркаста так и вовсе пыталась ложкой на тарелке играть какую-то ей одной понятную мелодию. Эртан перебрасывал Рассэлу яблоки, тот большую часть со смехом ловил, но одно ускользнуло и со стуком понеслось куда-то по полу. Лис, размахивая руками, что-то громко объясняла Аркасту, а тот отвечал, даже не дожидаясь.

И Рэми, чинно сидящая с идеально прямой спиной, как будто её снова, как в детстве, привязывали шейным платком к спинке стула, Рэми, у которой на коленях лежала накрахмаленная салфетка, и которая аккуратно зачерпывала суп именно под тем углом, какой приписывается для зачерпываний грибных супов, Рэми, которая ела совершенно беззвучно... ни за что бы не призналась, что хотела бы сейчас оказаться на месте Алиссии, которая, в тонком марианском платье, скорчившись, полезла под стол за яблоком, уроненным Рассэлом и, выпрямляясь, пнула Аркаста, от чего он расплескал компот прямо на платье Бени, а та только рассмеялась и в ответ отвесила ему шустрый подзатыльник.

Всё это было таким недоступным для Рэми и таким... заманчивым, что от огорчения она только сильнее сжимала столовые приборы, да отчаянно боролась с почему-то неотвязным желанием расплакаться.

Сидящий рядом на правах жениха Эртан был первым, кто заметил её странное состояние. Было трудно не заметить сжатые до белизны костяшки пальцев да блестящие от непролитых слёз глаза!

– Что-то случилось? – в безыскусной тревоге склонился он к ней, разом позабыв о сложности её характера.

Рэми, впрочем, не замедлила о своём нраве напомнить. От прозвучавшей в голосе Эртана заботы ей ещё больше захотелось плакать, поэтому она совсем обозлилась и даже громче, чем предполагала, заявила:

– Случилось. В этом свинарнике просто невозможно есть! – сбросила салфетку и вышла в мёртвой тишине.

Даже малышка отвлеклась от своих музыкальных упражнений и, напугавшись вдруг установившейся тишиной и хмурым выражением лица родителей, зарыдала.

Её рыдания словно стали знаком, что можно отмереть: Вин тут же подхватила дочь на руки и стала успокаивать, Алиссия, прижав кулачок к губам, испуганно посмотрела на Эртана и пробормотала: «Прошу прощения» – после чего выскочила вслед за принцессой.

– Ну, это уже чересчур, – хмуро резюмировал Аркаст, прожигая Эртана таким взглядом, будто это он был во всём виноват, и вставая из-за стола к жене с дочерью.

– Лезет со своими порядками! – с обидой сверкнула глазами на ралэса Лис.

– Может, ну её, эту свадьбу? – спросил у потолка Рассэл.

– Пусть катится в свою разлюбленную Нию! – сдвинула брови Лис.

Эртан почему-то чувствовал себя так, как будто это он сказал за столом столь выдающуюся грубость.

«Ещё жениться не успел, а уже чувствую себя ответственным за неё», – внутренне поморщился он.

Несмотря на глубокое чувство вины перед роднёй, острое недовольство ситуацией в целом и крайне унылые мысли о перспективах этого брака, Эртан, тем не менее, заметил некоторое несоответствие. До этого момента, хотя принцесса и отличалась крайне невыносимым характером, и говорила вещи острые и злые, она, тем не менее, ни разу не сказала ничего напрямую грубого, и сегодняшняя мерзкая фраза никак не вписывалась в обычный арсенал её изысканных шпилек.

Эртан был из тех, кто подмечает такие нюансы; это была одна из причин, которая делала его удачным правителем.

Сопоставив все события скопом: её странное напряжение за столом, её грубую фразу и её поспешный и такой нетипичный побег – он пришёл к выводу, что что-то тут не так.

Гадать впустую можно было сколько угодно, поэтому он встал и пошёл искать невесту – благо, домашние были так заняты перемыыванием её косточек, что даже не заметили его ухода.

Принцесса ожидаемо обнаружилась у себя; точнее, обнаружилась закрытая дверь, под которой торчала Алиссия и уговаривала открыть. Завидев Эртана, она встрепенулась и посмотрела на него отчаянными глазами: было видно, что девушка тоже сочла поведение подруги странным и всерьёз переживает.

– Я разберусь, – уверенным кивком отпустил её Эртан и, не тратя времени на просьбы и уговоры, постучал с решительным:

– Я захожу! – и спокойно вошёл.

Принцесса обнаружилась у окна; к нему она стояла спиной и не обернулась.

– Оставьте меня в покое! – потребовала она, обхватив себя за плечи руками.

Эртан почесал подбородок. Поразглядывал спину.

– Мне казалось, ты выше столь вульгарной грубости, – спокойно отметил он.

Рэми вздрогнула, повернула к нему злое лицо и почти прокричала:

– Почему бы вам просто не оставить меня в покое!

Эртан облокотился на косяк, сложив руки на груди. Приподнял брови.

– Может быть, – медленно и тихо проговорил он, – я бы мог тебе помочь, если бы ты позволила понять, что с тобой происходит?

По лицу Рэми скользнула странная судорога, на миг мелькнуло сомнение.

– Я не нуждаюсь в помощи, – гордо вздёрнула она подбородок.

Эртан мысленно прочёл молитву, чтобы успокоиться. Мягко выдохнул.

– Ну, если у тебя всё в порядке, – наконец, плавно перевёл тему он, – то, возможно, ты соизволишь спуститься и извиниться?

Мелькнувшее на её лице выражение стыда он уловил только по той причине, что тщательно всматривался в её черты; она почти моментально взяла себя в руки, отвернулась, села за будуар и принялась скоро перебирать какие-то вещицы, собирая их в коробочки.

Эртан мысленно досчитал до десяти, потом обратно. Прокашлялся. Не получил никакой реакции.

– Ты перешла на новый уровень и теперь предпочитаешь меня игнорировать? – небрежным тоном уточнил он.

Она повернулась, хмуро свела брови и уведомила:

– Я уезжаю.

– Вот как! – не сдержал удивлённо возгласа Эртан. – И куда же?

– Домой, – последовал лаконичный ответ.

Его это высказывание не слишком впечатлило: он подумал, что капризная девушка не довольна уровнем жизни и таким образом высказывает свой протест.

В который раз почесав подбородок, Эртан начал догадываться, почему многие мужчины отпускают бороды.

– Вообще-то, – аккуратно заметил он, – у нас завтра свадьба.

То есть, это ему показалось, что аккуратно. Рэми явно так не считала.

Возмущённо подскочив, она обернулась:

– А мне об этом собирались сказать? – гневно спросила она.

– Вообще-то да, – язвительно парировал Эртан, – но ты так мило сбежала, не дождавшись этого разговора.

Рэми со злостью швырнула расчёску об кровать, вымещая раздражение.

– Не дурно было бы спросить моего мнения, ты не находишь? – от злости она сама не заметила, как перешла на ты.

– Не дурно было бы вести себя приличнее, тебе не кажется? – невозмутимо парировал Эртан. – Не то чтобы твоя манера вызывает желание о чём-то с тобой договариваться, драгоценная.

Рэми презрительно фыркнула.

Прикрыв глаза, Эртан устало потёр переносицу.

– Ну какие ещё отъезды в Ниию? Вот только войны с твоим отцом нам не хватало, – хмуро отмёл идею он. – Устрою я тебе чинную столовую. С этими, как их там, метрдотелями. И живыми скрипачами. И лепестками роз на тарелках. Или чем там нийские принцессы питаются? – не удержался от шпильки он. – Ты просто словами говори, чего хочешь. А не вот это вот, – огорчённо махнул он рукой.

– Извини, – вдруг усовестилась Рэми, когда он уже и не надеялся на такой результат.

– Тебе не передо мной извиняться надо, – покачал он головой. – Но спасибо за то, что умеешь признать свою ошибку, – он несмело улыбнулся, каждый миг ожидая от неё очередного взрыва.

Рэми неровным движением провела рукой по лбу и переспросила:

– Завтра свадьба?

Стараясь сделать тон помягче и поспокойнее, он подтвердил:

– Да, и всё в полном соответствии с присланным тебе регламентом.

– Прекрасно, – резюмировала принцесса. – А теперь я могу остаться одна?

– Разумеется, – сдержанно поклонился Эртан, выходя.

Голова ощутимо начинала болеть. Разговоры подобного толка напоминали ему попытки продрасться через незнакомое болото: один неверный шаг – и с головой утянет под тину.

«Ну, может, она и впрямь не безнадёжна», – с некоторым оптимизмом сделал вывод Эртан, вспоминая, к тому же, аргумента Рассэла. Кажется, иногда у принцессы всё-таки проявлялись какие-никакие черты живого человека, а это внушало надежду!

Глава десятая

Вернувшись к столу, Эртан заявил, что принцесса просто волнуется перед свадьбой и приносит свои извинения. Информация была воспринята скептически. Возможно, извинись Рэми лично, её легко бы простили – А-Ларресы берегли свою злопамятность для более серьёзных случаев, чем бытовые грубости. Все присутствующие с радостью пошли бы навстречу невесте брата, вот только та не надумала почтить их своим присутствием, поэтому в извинения поверил разве что Рассэл. Остальные решили, что Эртан попросту выгораживает её.

За свою не очень-то долгую жизнь Рэми худо-бедно научилась признавать свои ошибки – в конце концов, она была умной девушкой, – но вот извиняться не умела и не любила. Впрочем, в этой ситуации ей было по-настоящему стыдно за свой срыв, и она бы, очевидно, нашла бы в себе силы для такого шага, если бы не свалившаяся на неё новость о завтрашней свадьбе, которая попросту выбила почву из-под её ног.

Возможно, Рэми была несколько самоуверенна, но ей в самом деле казалось, что расстроить эти матримониальные планы ей вполне по силам. Более того, она убедила себя, что вполне преуспела на этом пути, и выбранная ею стратегия великолепно подходит для подобных целей. В своих мечтах Рэми уже видела триумфальное возвращение на родину и представляла себе, с каким торжеством взглянет на отца, празднуя свою победу.

Все её фантазии разбились о фразу Эртана: «Только войны с твоим отцом нам ещё не хватало».

От досады принцесса расплакалась.

Она так заиклилась на своей проблеме и на своём твёрдом желании отстоять собственную независимость, что у неё как-то из головы вылетело, что речь идёт о международном кон-

фликте. С самого начала она рассматривала ситуацию только и исключительно в манере: «Отец выдаёт меня за своего ставленника, надо взбунтоваться и отказаться!» Она совсем, совсем забыла о том, что это не какую-то там Рэми отдают замуж за какого-то там Эртана, а нийский король благословил брак дочери с марианским ралэсом.

Она не подумала об этом в начале, а потом Мариан с его лёгким вольным нравом не дал ей поводов задуматься о статусе жениха, в манере которого ничто не напоминало о том, что он является правителем.

Теперь Рэми понимала, что эта ошибка была фатальной. Она не учла в своей стратегии самое важное, ключевое звено: политическую подоплёку. Вне зависимости от невыносимости её характера, Эртан уже не мог отказаться от этого брака, потому что отказ такого рода был бы воспринят нийской стороной как оскорбление.

Для принцессы такой промах выглядит совершенно недопустимым, и Рэми плакала именно от огорчения, что так сглупила в столь очевидном вопросе, позволив эмоциям взять верх над логикой. Ведь всё лежало на поверхности, даже неумный человек мог бы увидеть самое важное, а она – попросту заиклилась в привычной ей схеме борьбы за свою свободу и в упор не увидела очевидного.

Исправлять что-то было поздно, хотя в её голове и мелькали мысли об обычном простецком побеге – но она трезво оценивала свои умения и перспективы. Первые отсутствовали напрочь, вторые рисовались в самом мрачном свете: неприспособленная к простой жизни принцесса попросту не знала, куда идти и где искать помощи, не говоря уж о том, что в Мариане у неё не было ни друзей, ни хотя бы знакомых.

Рэми не осознавала, что совершает ошибку, превентивно записывая всех знакомых марианцев во враги. Она могла поговорить с Эртаном, который по умолчанию счёл, что, раз уж она приехала, значит, согласна, – и Эртан бы, вместо того, чтобы направлять свои усилия на попытки сблизиться с нею, перенаправил бы их на поиск устраивающего обоих решения. Она могла бы обратиться к Рассэлу, который, без сомнений, выдал бы на-гора десяток безумных планов, если не решающих вопрос, то, по крайней мере, откладывающих свадьбу на неопределённый срок. Она могла бы рассказать о своей беде даже Лис, и та, ведомая своим чувством справедливости, подорвалась бы ажно в Нию, чтобы лично решить этот вопрос с королём. Да что там Лис, даже слуга из холла придумал бы что-нибудь, по крайней мере, предоставив беглой принцессе кров и взявшись за роль парламентёра между ней и А-Ларресами!

Но Рэми, конечно, сразу решила, что все тут против неё, поэтому предпочла гордо вытереть слёзы и встретить свою ужасную судьбу, во всяком случае, с достоинством, которое полагается блюсти королевской дочери.

Со слезами она покончила вовремя, потому что вскоре к ней заявила более или менее приветливая Лис, уведомив, что слуги уже организовали всё для грандиозного банного дня, и все дамы жаждут привести свои кудри в порядок, но первую очередь в мыленку по праву отдают невесте. Пообещав не задерживаться, Рэми со вздохом принялась собирать банные принадлежности.

Мыться она предпочитала без помощи горничной, что в Мариане, видимо, было в порядке вещей, потому что ни одной служанки у девиц А-Ларрес замечено не было. Уже несколько привыкшая к самостоятельным передвижениям Рэми благополучно отправилась в мыленку в одиночестве – корсет домашнего платья был упрощённой конструкции, поэтому помощи в снятии не требовал.

Она как раз, достигнув места назначения, справлялась с этим самым корсетом, как вдруг дверь в мыленку приоткрыли, внутрь упихнули краснеющего Эртана под женский смех и довольный голос Лис:

– Не ралэсу нарушать вековые традиции! – и явно чем-то подпёрли с той стороны.

Придержав так и не снятый корсет, принцесса с недоумением попыталась прояснить ситуацию:

– Прошу прощения? – весьма вежливо потребовала она разъяснений.

Эрган потыркал дверь плечом, вздохнул, похмурился, ещё вздохнул и раскололся:

– Есть у нас в Мариане такая свадебная традиция, – пронзил гневным взглядом дверь, адресуя недовольство сёстрам, настоявшим на соблюдении обычаев. – Накануне свадьбы жених помогает невесте вымыть волосы. Ну, вроде как такой шаг к сближению, – хмуро пояснил он.

По его лицу было видно, что мыть Рэми волосы явно не входит в число его заветных желаний.

– Можно просто подождать, пока им надоест, – разумно предложила принцесса, которой традиция показалась весьма варварской и неприличной.

– И не надейтесь! – раздался за дверью хоровой смех сестёр.

– Если что, – вредно добавила Бени, – я согласна завтра и с грязной головой походить, так что сидеть вам там всю ночь!

– Присутствие при процессе веселящейся родни тоже входит в традицию? – приподняла бровь Рэми.

Эрган снова глянул на дверь с гневом и пояснил:

– Зависит от родни. Иногда ещё и мать невесты участвует в процессе, чтобы убедиться, что... Ну, что дело ограничиться мытьём головы, – совсем уж смутился он.

– Ну, тут-то мы спокойны, – прокомментировал пассаж голос Аркаста, видимо, имевшего в виду, что манера принцессы не вдохновляет на досрочное исполнение супружеского долга.

Здесь счёл необходимым встрять Рассэл, смягчив реплику брата:

– Вы не переживайте, ваше высочество! – крикнул он. – Эрган у нас воспитанный и вполне куртуазный, ничего лишнего себе не позволит! – тут дружно засмеялась вся семейка.

Стремительно краснеющее лицо принцессы вызвало у Эргана тревогу за сохранность собственной кожи: как известно, находиться в замкнутом помещении наедине с рассерженной женщиной, имеющей доступ к кипятку и к кочерге – очень дурная примета.

– Ребят, – жалобно воззвал он к двери, – честное слово, мы всё сделаем, только давайте вы уйдёте, а?

За дверью зашептались и захихикали.

– Хорошо, – наконец озвучила общий вердикт Лис. – Но только из уважения к твоему слову, братец!

Послышались шумные шаги и удаляющийся смех – кажется, компания и впрямь ушла.

Рэми пронзила жениха сердитым взглядом.

– Я сама прекрасно вымою! – гордо задрала она подбородок.

Эрган судорожно обернулся на дверь, видимо, подозревая, что родичи могли кого-то и оставить, для контроля над ситуацией. Дверь подозрительно молчала.

– Я дал слово, – нахмурился он.

Принцесса слегка просчиталась – в одной рубахе, со сползающим корсетом и распущенными волосами, она не выглядела такой грозной и величественной, как обычно, поэтому её гордая независимая манера не производила на собеседника столь уж парализующего эффекта.

Судорожно хватая ртом воздух, Рэми покраснелась ещё больше, от возмущения и смущения.

– Боже мой! – возвёл глаза к потолку Эрган. – Кажется, я начинаю понимать смысл этой традиции.

После этого он деловито перешёл к действиям, застучав кадками и ковшиками, чтобы намешать воду приемлемой температуры.

Рэми, стоя столбом посреди мыленки, машинальными движениями застёгивала корсет обратно. Её воля – она бы и подъюбник с верхним платьем снова нацепила, но это бы выглядело совсем уж жалко и трусливо.

Между тем, Эрган закончил с замешиваниями, и теперь с искренним интересом наблюдал за тем, как Рэми нервно теребит корсет в том месте, где закончились застёжки.

– Ты всё время в этой штуке ходишь? – с любопытством спросил он.

Опомнившись и опустив руки, она нахмурилась:

– Да, конечно.

– Неудобно, наверно, – посочувствовал он.

Она с удивлением разглядывала его лицо и не находила там никакой насмешки. Потом тихо ответила:

– Я с детства привыкла.

Он улыбнулся вполне дружелюбно, а потом подбодрил:

– Ну, иди же, а то вода остынет. Я не кусаюсь, правда!

Пришлось подходить – показывать страх принцессе точно не пристало!

С ловкостью, говорящей о некоторой сноровке в этом вопросе – сёстрам он помогал мыть волосы в глубоком детстве, но навык никуда не делся, – он устроил её между кадок вполне удобно и принялся за дело.

– Вода нормально? – первым делом уточнил он температуру.

– Д-да, вполне, – прикрыла глаза не столько от воды, сколько от смущения Рэми.

Ей совсем не нравилось, когда ей мыли голову слуги, поэтому вот уже много лет она предпочитала справляться с этим делом самостоятельно, без чужих рук, неприятных прикосновений и прочих сложностей подобного процесса. Перспективы доверять свою голову и волосы Эргану её не вдохновляли, и она невольно постоянно ожидала подвоха. В конце концов, не было бы ничего странного, если бы в отместку на все сказанные ею гадости он надумал отыгаться на её волосах – всегда же можно списать на вполне естественную неловкость и неумение!

К её недоумению, он действовал аккуратно и бережно. Его пальцы ловко распутывали пряди, не дёргая и не вырывая волос. Намыливал корни он мастерски, мягко массируя кожу и следя за тем, чтобы в глаза и в уши не попало.

– Ты меня боишься, – вдруг удивлённо, но уверенно заметил он.

Здесь опять сыграла роль его наблюдательность. Рэми прекрасно владела собой, не вздрагивала и не хмурилась, но каждый раз, когда он прикасался к ней, у неё слегка дёргалась мышца на лбу – почти незаметно, словно она хотела было свести брови, но передумывала.

– Вовсе нет, – напряжённо возразила Рэми.

Ей не пришла в голову мысль о том, что он, смывая волосы, придерживает сейчас её голову за основание затылка, а в этом месте прекрасно чувствуется, как резко подскочил у неё пульс.

– Интересно, – пробормотал Эрган, занятый смыванием, – что же такое ужасное случится, если ты признаешься, что боишься? О! – «догадался» он. – Наверно, я злодейски рассмеюсь и признаюсь, что ты угадала, и я планирую принести тебя в жертву тёмным языческим богам!

Это прозвучало так комично, – потому что он мастерски смешал в голосе злодейский пафос с тоном насмешки над самим собой, – что у неё невольно вырвался смешок.

– Но если серьёзно, – он деловито развёл в бадейке отвар крапивы, чтобы ополоснуть вымытые волосы, – что во мне настолько страшного?

Она ожидаемо не ответила, и даже глаз не открыла. Вздохнув, он принялся погружать её волосы в отвар, комментируя:

– Девчонки говорят, им можно просто смыть, но мне всегда казалось, что эффективнее подержать в нём волосы немного.

– В чём? – Рэми аж глаза распахнула, испугавшись перспектив погружения её волос в непонятные жидкости.

– В отвар крапивы! – закатил глаза Эртан. – Серьёзно, Рэми, с чего бы мне могла прийти в голову мысль сделать с твоими волосами что-то дурное? – разгадал он смысл тревоги на её лице.

Она часто заморгала, потом предположила:

– Ну... чтобы отомстить?

Он почувствовал глубокое недоумение и аккуратно полил отваром ту часть волос, которая не залезла в бадейку, после чего осторожно спросил:

– Я чего-то не знаю? Ты подселила змею в мою спальню или насыпала стекла в сапоги? – предположил он, не очень-то себе представляя, на что способна фантазия капризных нийских принцесс.

– Нет, конечно! – покраснела она и снова закрыла глаза от смущения.

Разговор зашёл в тупик. Со вздохом Эртан принялся вытаскивать её волосы, мягкими движениями, не дёргая и не крутя, выдавливая из них излишки влаги. Потом дотянулся до заранее припасённого платка и стал их промакивать.

Рэми с облегчением вздохнула. Дело явно двигалось к концу.

– Ну всё, всё, одевайся, – не разочаровал её он, а сам встал, подошёл к двери и принялся колошматить в неё с грозным:

– Эй, там, где вы все, выпускать собираетесь?

Принцесса как раз успела привести себя в порядок, когда дверь, наконец, открылась, и внутрь заглянула любопытная мордашка Лис:

– Ну как? – с азартом выспросила она, выискивая на лице брата следы царапин и других признаков страшной битвы.

– Совершенно варварская традиция! – выразила своё мнение о ситуации Рэми, подхватила свои вещи и сбежала.

Лис оскорбилась до глубины души: ей обычай казался очень трогательным и романтическим, и в своих девичьих мечтах она неоднократно фантазировала о том волнительном моменте, когда и ей выпадет счастье испытать все прелести подобного действия.

Эртан пронзил сестру мрачным и многообещающим взглядом.

– Ой, – мгновенно сориентировалась Лис, – а мне уже пора! – заискивающе улыбнулась она и попятилась.

– Кыш, кыш! – выгнал её Эртан и решил заняться собственной головой.

А сапоги вечером всё же проверил.

Мало ли.

Глава одиннадцатая

День свадьбы стал для принцессы первым строго регламентированным за всё время пребывания её в Мариане. А мог и он остаться без регламента, если бы она не потребовала его столь настойчиво.

С раннего утра братья сбежали в ратушу, готовить всё, что нужно для обещанного праздника, а в столовой устроили то, что в листочке Рэми носило торжественное название «Семейный завтрак с девицами А-Ларрес». Он практически ничем не отличался от обычного завтрака – разве что на стол поставили несколько охапок цветов – и Рэми сперва не поняла, почему на него отвели целый час. Однако, придя к семи в столовую со своими дамами, она обнаружила только сонную и хмурую Лис; остальные девушки подтягивались ещё полчаса, ругаясь на столь ранний подъём.

Да, к составлению регламента явно приложил руку сам Эртан, прекрасно знающий характер своих сестёр!

К прибытию Венты и Бени Алиссия и мадам Леста уже ушли, чтобы выкроить себе лишнее время на сборы. Как всякие ниййки, они не понимали, как можно выделить на столь ответственное дело всего полчаса!

Рэми недовольно буркнула под нос что-то про опоздания – расслышала её только и без того злая за вчерашнее Лис – и позволила себе совершить ответную небрежность, углубившись в изучение регламента прямо за обеденным столом. Раз уж все в этом доме позволяют себе пренебрегать правилами этикета – почему бы не начать делать то же!

В целом, регламент был прозрачен и прост, и недоумение вызывал только седьмой пункт, про который Рэми хотела спросить ещё сразу, но забыла.

– А что это за брачная церемония? – громко поинтересовалась она, откладывая листок на стол.

Девушки несколько растерянно переглянулись. Сидящая рядом Лис тут же листочек подхватила, на миг улыбнулась сентиментально, но мягкая улыбка сразу сменилась куда как более жёсткой гримасой, и вредным тоном она ответила:

– О, всего лишь ещё одна наша варварская традиция!

Сёстры запереглядывались с ещё большим недоумением – за её язвительным тоном они уловили обиду, но не поняли, по какому поводу это представление, и почему их милые традиции стали вдруг варварскими.

– О! – деланно восхитилась принцесса. – И какая же на этот раз? – предусмотрительно решила уточнить она.

Мало ли, вдруг там придётся вдвоём с ралэсом пирог выпекать или через костёр прыгать, кто их разберёт.

– Как, вас не предупредили, ваше высочество? – с преувеличенным беспокойством удивилась Лис. – Какая небрежность! – она даже покачала головой, сетуя на всеобщий промах.

Рэми мило улыбнулась:

– Я надеюсь, вы просветите меня, сестрица, – любезно поощрила на развитие мысли она.

– Разумеется, дорогая! – даже приложила руку к сердцу Лис. – Понимаете ли, по нашим, безусловно, варварским обычаям... как это выразить приличнее для вашего деликатного уха? Так вот, чтобы не было никаких сомнений в законности совершаемого брака и в благонравности невесты... браки ралэсов принято закреплять при всём честном народе, на алтаре в большом зале ратуши.

Рэми вытаращилась на неё самым неприличным образом, и именно поэтому не заметила, что точно с таким же выражением смотрят на Лис и все остальные.

Та же, не смущаясь от общего внимания, деланно вздохнула и принялась аккуратно резать свой омлет, продолжая:

– Конечно, следовало предупредить вас раньше... наверно, Эртан решил сказать в последний момент, чтобы вы не так переживали. Но как девушка девушку, – заговорщицки наклонилась она к принцессе, – я прекрасно понимаю ваше возмущение. Право, вы так отважны! Я бы в жизни не решилась на подобное! – закончила она свою маленькую комедию под всеобщими недоумёнными взглядами.

Резко побледневшей Рэми было явно не до анализа поведения окружающих.

– Прошу прощения, – отложила она приборы, – я вас покину, мне пора переодеваться, – и поспешно ретировалась.

– Лиис? – с недоумением протянула Вин сразу, как принцесса вышла. – Это что сейчас было?

Та очаровательно улыбнулась:

– Если она правда считает нас настолько варварами, то и поделом ей! – язвительно заявила она.

Вента – самая тихая и самая младшая из них – с недоумением сказала:

– Не могу поверить, что она приняла этот бред за чистую монету!

Рассудительная Вин покачала головой:

– Если она и в самом деле поверила в эту чушь, то это жестоко, Лис. Ты испортила ей день её свадьбы.

Лис дерзко подняла голову и зло сверкнула глазами:

– А она моему брату всю жизнь испортила!

– Лис, – продолжила увещевать Вин, – одно дело – злой язык, другое...

– Что – другое? – не приняла аргумента та. – У меня тоже злой язык, вот! – и даже высунула обсуждаемый орган.

– Неужели она вправду поверила! – огорчённо всплеснула руками Вента, которая всё не могла принять мысль, что будущая жена брата представляет их настолько дикими и жестокими.

Возможно, она не изумлялась бы так остро, если бы знала, что в Ниии ещё сотню лет назад консуммация королевского брака проходила пусть и за занавесками балдахина, но в тесно набитой придворными комнате. Когда-то прадед Рэми с криками и скандалами всё же отстоял право королей на уединение в столь деликатный момент, и традиция была плотно похоронена, но хорошо знавшей историю принцессе не показалось странным, что у их более диких соседей сходный обычай осуществляется в более варварской форме.

Так что да, и без того нерадостный для Рэми день её свадьбы превратился в сущий кошмар, а жаждущая мести Лис сполна отплатила за все колкие фразы, сказанные неосторожной принцессой.

В защиту Лис можно отметить, что она сама не ожидала, что гостя поверить в такой несусветный бред, и хотела просто высмеять её странные мнения об их стране, показать всю несостоятельность её обвинений. Мол, она считает обряд мытья волос невесты варварским! Тоже мне! Вот тебе, сходу придумаю по-настоящему варварский обычай, сравни и сделай выводы!

Кто ж знал, что она примет это всерьёз!

А Лис была не из тех, кто отступает, да и возмутило её до глубины души, что принцесса вот так взяла и поверила. Так ей и надо, высокомерной заразе. Пусть понервничает, от неё не убудет.

Конечно, будь у неё время подумать, Лис бы раскаялась и постаралась бы исправить свои слова; но принцесса так резко ушла, не догонять же!

Так что каждый остался при своём. Рэми – с самыми кошмарными представлениями о грозящей ей брачной церемонии. Лис – с удовлетворённым чувством мести и червячком грызущей душу совести, которая утверждала, что месть перешла допустимые рамки.

В храме никому не показалось странным, что невеста чрезвычайно бледна – в тесную церквушку набилось много народу, да ещё свечи, да ещё кадило с фимиамом. Кому угодно поплохеет, сам Эртан и то чувствовал себя на грани обморока, так что странное состояние невесты его не удивило.

То, что позднее за обедом новобрачная почти ничего не ела, тоже не вызвало каких-то вопросов – волнение юной жены было вполне уместно и объяснимо.

Вот то, что она не захотела танцевать, показалось странным многим. В конце концов, бал-то устраивали как раз для того, чтобы угодить ей! Бени вон полвечера пыталась Алиссию, какие танцы нравятся принцессе, чтобы организовать всё наилучшим образом. И сама-то Алиссия отплясывала весьма лихо – вон как с одним знакомым нам усачом кружится! Да и мадам Леста не отставала, несмотря на возраст, она успешно кокетничала с марианскими кавалерами.

Как Эртан ни старался, выманить Рэми на танец ему не удалось. Пока, где-то через час после начала, она вдруг не подняла на него измученные глаза и не попросила показать ей какое-нибудь тихое место, где она могла бы немного отдохнуть.

Сказать, что Эртан встревожился, – значит сильно преуменьшить. Принцесса с самого своего приезда не баловала его просьбами, а уж так жалобно не выглядела никогда. Пошептавшись с Рассэлом, он аккуратно вывел Рэми в коридоры ратуши и завёл её в какую-то гостиную, где усадил в кресло, к пущей тревоге заметив, что она ещё и дрожит.

– Ты заболела? – встревожено спросил он. – Позвать лекаря?

– Н-нет, не надо, – запнувшись спрятала глаза Рэми, пытаясь взять себя в руки.

Эртан почувствовал себя озадаченным.

– Давай уйдём домой сейчас? – предложил он, подумав, что она устала и перенервничала, как и положено новобрачной.

Она посмотрела на него удивлённо:

– А как же... церемония? – и побледнела ещё больше.

Сути её терзаний Эртан не понял.

– Да рогр с ней, – беззаботно махнул он рукой. – Обойдутся!

В глазах Рэми читалось самое искреннее изумление:

– А что... так можно? – не веря своему счастью, переспросила она.

Глубина её удивления и сила надежды, вложенной в этот простой вопрос, показались Эртану совсем несоизмеримыми событию. Даже для двинутой на правилах принцессы отмена одного из пунктов регламента не должна была казаться таким уж странным явлением. В конце концов, она явно плохо себя чувствует. Разве в Ниини это не становится поводом сократить регламент мероприятия? Сочла же она возможным для себя не танцевать, например?

Так ничего и не поняв, Эртан переспросил:

– Почему нет?

– Но Лис сказала... – мучительно покраснела принцесса и отвела глаза.

«А, Лис!» – почти с облегчением подумал Эртан, получив, наконец, разгадку. Должно быть, сестрёнка подшутила как-то над его невестой, вот и всё.

– И что же сказал Лис? – с усмешкой переспросил он. – Что без твоих ленточек ни одна девица не сможет выйти замуж в этом году?

– Что? – в полном недоумении переспросила Рэми.

– Ну, твоих ленточек, – хмурясь, пояснил Эртан.

Пошарив в кармане надетого по случаю праздника жилета, он, в самом деле, откопал клубок разноцветных девичьих ленточек, которые обычно вплетают в волосы.

Рэми посмотрела на них со священным ужасом в глазах и пересохшими губами переспросила:

– Это что же, меня ими ещё и привяжут? – очевидно, это было единственное понятное ей применение ленточек в том страшном варварском обряде.

– Почему привяжут? – пришёл черёд Эртана недоумевать. – Так, подожди, – он понял, что придётся разбираться в вопросе детальнее. – Что именно тебе наплела Лис?

Его удивление и недоумение всё множились, пока принцесса бледнела, краснела и пыталась как-то выдать себя, как именно она, с лёгкой подачи Лис, представляет себе брачную церемонию по-мариански.

– Что за бред... – потрясённо выдохнул он, выслушав эту откровенно странную версию.

По выражению его лица Рэми поняла, что публичное закрепление брака посреди ратуши ей точно не грозит, и от облегчения расплакалась.

Сжимающий в руках ленточки Эртан застыл, обескураженный и потрясённый. Сложно сказать, что его вывело из равновесия больше: дикая шуточка сестры, то, что невеста в эту шуточку поверила, или то, что теперь она сидит и рыдает.

– Так, Рэми, – принялся он решать самые насущные проблемы, садясь перед ней на корточки, и не решаясь прикоснуться, потому что она машинально отшатнулась от него. – Успокаивайся. Мне, правда, очень жаль, что так вышло. Словами не передать, как мне стыдно за Лис. Она не должна была так поступать, и я очень разочарован ею. Мне правда жаль, – с нажимом повторил он. – Но, к сожалению, сделанного не воротишь. Просто успокойся, пожалуйста. Заверяю тебя, никаких варварских обычаев в нашей стране нет, а если вдруг какая-то наша традиция покажется тебе недопустимой, тебе будет достаточно просто об этом сказать. Никто не заставит участвовать тебя в том, что ты считаешь недопустимым, обещаю, – настойчиво втолковывал он.

– Так а зачем... – сквозь всхлипы постаралась отвлечься от переживаний она. – Зачем ленточки-то?

Эрган с некоторым недоумением посмотрел на всё ещё сжимаемые им атласные богатства. Фыркнув, он принялся рассказывать:

– Ну, это просто. Старинная традиция. Молодой муж выводит жену на крыльцо и вплетает в её волосы ленты. Каждый цвет что-то символизирует, Вента специально вчера подбирала такие, чтобы тебе не стыдно было показаться с таким набором «признаний». Потом незамужние девушки с цветами в руках выстраиваются в линию, и молодые идут вдоль них. Каждая девушка дарит невесте цветок, а та в ответ отдаривается лентой – считается, что таким образом она делится с ней своей женской удачей. Цветы после этого сплетаются в венок и надеваются на голову невесты – это вроде как благопожелания, которые помогут сделать брак удачным.

– А с лентами дальше что? – улыбнулась невольно Рэми. – Как они связаны с грядущим замужеством? – припомнила она его предположение.

– А с лентами дальше самое интересное, – с удовольствием поведал Эрган. – Если девушка повязывает такую ленту на правую руку – значит, её сердце свободно, но она хотела бы принять чьи-нибудь ухаживания. А если на левую – значит, сердце занято, и она ждёт каких-то шагов от конкретного молодого человека.

– Красивая традиция, – решила Рэми. – Не хотелось бы лишать её ваших девиц.

Эрган с радостью воскликнул:

– Так ты согласна поучаствовать? – и, получив кивок, с воодушевлением объяснил: – Понимаешь, за твоими лентами особенно много девиц придёт, считается же, что ты особенно удачлива, раз вышла замуж за ралэса, так что и твои ленты приманят женихов повыгоднее!

Рэми улыбнулась. Её настроение значительно улучшилось, и она даже не злилась на Лис с её шуточками.

– Раз уж у нас есть время, – заметила она, – расскажи, что всё-таки означают все эти цвета, – потрогала края лент. – Должна я знать, в чём ты мне напризнавался!

– Я сам половины не знаю, – рассмеялся он, но всё же принялся с увлечением рассказывать о тех цветах, про которые помнил.

Глава двенадцатая

Церемония с ленточками и цветами прошла шумно и весело, и Рэми даже в какой-то момент почувствовала себя счастливой – такой искренней радостью светились лица незнакомых ей девушек, с таким пылким восторгом они желали ей счастья, так мило они хлопали в ладоши, когда случайно выбранная лента совпадала с их ожиданиями по цвету.

Но радость и оживление мгновенно слетели с неё, когда они добрались до дому, и она осознала, что, пусть Лис и наплела ей чуши, день свадьбы, как ни крути, заканчивается брачной ночью.

На принцессу снова напала мертвенная бледность. Она напрасно пыталась приободрить себя мыслью, что, во всяком случае, её супруг «хорош собой и слывёт рыцарем» – почему-то это ни капли её не успокаивало.

Рэми настолько ушла в свои невесёлые мысли, что даже не заметила, как Эртан привёл её в какую-то незнакомую ранее комнату – Лис вчера весь вечер готовила грандиозные покои для новобрачных, вытащив с чердаков все доступные богатства, чтобы не упасть в грязь лицом. Просторные покои радовали не только расшитым золотом покрывалом на огромной кровати с балдахином, но и целыми тремя живописными полотнами, одной мраморной статуей и четырьмя резными стульями из ценных пород дерева – явно из разных наборов.

Эртан заозирался с недоумением и любопытством, и даже признал пару семейных реликвий, вроде собственноручно вытканного бабушкой ковра (тот ещё кошмар психоделики по сочетанию цветов) или выкованного прадедом массивного подсвечника (тоже далёкая от изящества вещь).

То, что невеста опять выглядит весьма нездорово, он заметил не сразу.

Должны сказать, что сам Эртан счёл совет старшего брата весьма толковым, и планировал явить на брачном ложе все подвиги, полагающиеся молодому супругу. Рэми же, как положено истинной королевской дочери, полагала необходимым встретить свою долю со смирением и достоинством, и мужественно перетерпеть все те подвиги, которые должно явить молодому супругу.

Что, казалось бы, могло пойти не так?

Ну, для начала Эртан попробовал пустить в ход подвиги по части дипломатии и придумал порядка десяти шуточных вопросов, чтобы немного ободрить и развеселить свою юную жену. Все поводы ушли в «молоко», потому что Рэми в ответ лишь бледно улыбалась и произносила какую-то ничего не значащую банальность, упорно отказываясь веселеть.

Так Эртан понял, что дипломат из него аховый, и продолжил подвигами по части личного обаяния. Он успешно попал в несколько неловких ситуаций, то мило разругавшись с окном, которое у него не получается открыть, то изящно пролив на себя воду при попытке поднести стакан невесте, то путаясь головой в балдахине и изображая из себя великого ньонского война (те для защиты от солнца зачастую наматывали себе на голову всяческие тряпки).

Увы! К его обаянию Рэми осталась столь же безучастной, чем, признаться, сильно его задела – он не привык, чтобы вся полнота его шутовской беспечности проходила мимо внимания собеседника.

Решив, что обаяние ему нынче не поможет, Эртан додумался зайти с тяжёлой артиллерии, коей он не без оснований полагал умение вовремя поддать в разговор заряд честности и искренности – неоднократно выручавший его при переговорах приём.

Устроившись на краешек кровати подальше от Рэми, которая бледным пожухлым цветком жалась к столбику с балдахином, он упёр подбородок рукой и с тяжёлым вздохом спросил:

– Ну что я делаю не так?

В ответ ему достался только лишь недоумённый взгляд.

– Давайте вы просто сделаете, что должно, и уже оставите меня в покое? – устало предложила принцесса, которую ужасно утомило это выматывающее ожидание неизбежного и попытки супруга заставить её принять живое участие в процессе.

Эртан пару раз хлопнул ресницами.

Не чтобы у него был очень уж богатый опыт любовного толка – как уже отмечалось, младшее поколение А-Ларресов было исключительно приличными мальчиками, которые, к тому же, от всей широты своего сердца чтили законы родной церкви, коя не одобряла случайные и беспорядочные связи. Но природное обаяние, принадлежность к высокому роду, а позже и титул сделали Эртана весьма привлекательным в глазах женщин объектом, поэтому он никогда

не мог пожаловаться на недостаток пылких девичьих взглядов и некоторых следующих из них приятностей.

Сухая и деловая позиция принцессы на этом фоне выглядела как ушат холодной воды, который вылили на него без предупреждения.

До этого момента Эртан даже мысли не допускал, что у него может не хватить обаяния, чтобы очаровать супругу и добиться самого искреннего её расположения – хотя, по правде сказать, ему не приходилось ни разу в жизни добиваться женского расположения, поэтому такая позиция отдавала некоторой самоуверенностью. Теперь же он упёрся в тот, без сомнения, в крайней степени неприятный факт, что супруга очаровываться отказывается, и своим расположением его дарить не намерена.

Ни на минуту не усомнившись в себе, Эртан тут же принялся выискивать сторонние причины, которые могли привести к столь болезненному провалу, – и, конечно, тут же их нашёл!

– Ну Лиис! – погрозил он кулаком куда-то в стену, предположительно, в сторону комнаты сестры.

Ему пришло в голову соображение, что взвинченная шуточкой Лис принцесса слишком переволновалась и уже успела в своём воображении нарисовать на месте Эртана жуткого варварского насильника, и теперь никак не может «развидеть» свою фантазию обратно.

– Да я никогда бы так не поступил! – в возмущении вскочил Эртан с кровати. – Даже если бы такая традиция в самом деле существовала! – оскорбился он сомнениям в его нравственной позиции.

Реакция Рэми поразила его в самое сердце. Посмотрев на него серьёзно и устало, она спросила:

– А какая разница? Там или здесь. Всё одно.

Он дёрнулся, как от пощёчины.

Она ушла в себя и тихо заплакала.

С минуту он наблюдал эту картину, не зная, что делать, а потом – резко вышел из комнаты и побрёл искать братьев.

Те ожидаемо обнаружили в курительной – пили травяной настой перед сном и обсуждали знакомых, съехавшихся сегодня в ратушу.

– Эрт? – с недоумением посмотрели они на брата, которого никак не ожидали увидеть раньше завтрашнего утра.

– Она там плачет! – с обидой пожаловался тот, махая рукой назад.

Аркаст и Рассэл с ещё большим недоумением переглянулись.

– Эм, – дипломатично уточнил ситуацию последний, – всё прошло настолько паршиво?

– Да мы даже не начали! – опроверг его опасения Эртан, падая в кресло.

Братья снова переглянулись.

– Ну, – попытался добавить в тон ободрения Аркаст, – ты же сам знаешь, девушки часто волнуются в такой момент. Неприятно, конечно, но что поделаешь? Ты не принимай на свой счёт, это нервное. Возвращайся, обними крепче, наговори что-нибудь ласковое и успокаивающее... – принялся проводить инструктаж он.

– Посмотрел бы я на тебя, как бы ты её обнял, – проворчал Эртан, явно не представляя, как подступиться к Рэми с такими действиями.

– Ну, знаешь ли! – рассмеялся Аркаст. – Ты что же, предлагаешь мне подняться и обнимать твою жену вместо тебя? – подначил он.

Неугомонный Рассэл внёс обоснование такой идеи:

– А что, право первой брачной ночи и всё такое, ты же у нас глава рода!

Эртан и Аркаст посмотрели друг на друга мрачно и оценивающе. Один, конечно, старше и глава рода, но другой-то – правитель их страны.

Рассэл в момент понял смысл этого меренья взглядами и согласился с невысказанным:

– Да, ситуация спорная. Несу сабли, сразитесь?

– Рас, – отмахнулся от чересчур весёлого младшенького Аркаст и снова принялся втолковывать: – Эрт, сейчас поднимаешься, садишься рядом, обнимаешь, понежнее, гладишь по волосам, говоришь ей, какая она лапочка и солнышко... – принялся вдаваться он в подробности, честно делясь своим богатым опытом по успокаиванию рыдающих дам – Вин во время беременностей была тем ещё подарочком.

Эрган взвёл глаза кверху и оборвал очередной инструктаж:

– Каст, ты понимаешь, тут такое дело... Тут Лис с утра пошутила неудачно...

Аркаст с Рассэлом снова переглянулись, в упор не понимая, как шуточки сестры могут относиться к плачу наверху.

Краснея, Эрган объяснил, в чём был суть шутки.

– Что?! – сперва хором переспросили братья, а потом хором же расхохотались.

– Не могу поверить, что она купилась! – в азарте бил себя по ляжкам Аркаст.

– Ну Лис, ну язва! – вытирал выступившие от смеха слёзы Рассэл.

Одному Эргану не было весело, что было вскоре замечено и снова вернуло разговор к серьёзному тону. Убедившись, что со смехом покончено, Эрган принялся объяснять дальше:

– Понимаете, я к ней и так, и этак, и вообще, – махнул он рукой, сокращая историю своих дипломатических и обаятельных опытов. – А она, – с глубокой обидой наябедничал он, – вся такая как жертва чернокнижника на заклании, и говорит, главное, какая, мол, разница, в ратуше при всех или тут, всё одно!

Рассэл почесал в голове. Аркаст пожевал губами и с уверенностью в голосе заметил:

– А с чего бы ей сразу вешаться тебе на шею, Эрт? Тут с умом нужно подойти, – выдал новую пропозицию он. – Ты сейчас вернись, сострой морду поблагороднее, успокой, заяви, что не обидишь, что ты весь такой замечательный, и она вся такая замечательная, и вообще! А сам – поближе, поближе, но не спугни. Как получится – обнимай понежнее, а дальше аккуратно, шаг за шагом, поцелуй за поцелуем...

– Каст. – Устало прервал его Эрган. – Она этого не хочет.

Старший скептически передёрнул плечами и с раздражением отпарировал:

– Ты взрослый мужик или кто? Сделай так, чтоб захотела, или тебе и это объяснять на пальцах?

В разговор тихо вмешался задумчивый и серьёзный Рассэл:

– Эрт прав, Каст. Это насилие.

От возмущения Аркаст даже вскочил:

– Ну вы вообще, что ли? Я ж не предлагаю её... – помахал он руками в воздухе, видимо, отображая какую-то форму насилия.

– Но она этого не хочет, – тихо повторил Эрган и тоже резюмировал: – Это насилие.

Аркаст с тяжёлым вздохом сел обратно и задумался.

В курительной повисла тягостная тишина.

– Надо бы кого-то послать к ней, успокоить, – устало напомнил Эрган.

– Алиссию эту её, или мадам, – повёл плечом Аркаст. – Знакомые лица тут предпочтительнее.

– Алиссию не надо, – неожиданно вмешался Рассэл и на последовавшие вопросительные взгляды поморщился: – Позже объясню, давайте сейчас о деле, – и повторил. – Алиссию не надо, и мадам тоже. Нужно кого-то из наших, чтобы как-то разобраться в ситуации и договориться.

Эрган и Аркаст переглянулись. Последний хмыкнул, встал, высунулся в дверь и позвал:

– Вииин!

Та вскоре появилась – в гостиной неподалёку девушки обсуждали бал.

– Что у вас случилось? – с милой улыбкой спросила она, увидела вдруг Эртана и нахмурилась: – Эрт?

– Жена у него там плачет, – разъяснил ситуацию Аркаст, тыкая пальцем в потолок.

– Мы тут неожиданно выяснили, – внёс дополнительные разъяснения Рассэл, – что кое-кто вовсе не горит желанием становиться женой.

Эрган нахмурился в кресле и выразительно промолчал.

Вин нахмурилась, обдумывая новую информацию, после чего сделала успокаивающий жест рукой:

– Я поняла. Сидите здесь, я разберусь, – и отправилась наверх.

– Ну, теперь только ждать, – откинулся в кресле Аркаст.

– Вин не подведёт, – оптимистично обнадежил Рассэл.

Глава тринадцатая

Вин влетела в комнату необычно лёгким для леди в её положении шагом, сразу же весело защебетав:

– А меня тут парламентёром направили. Как самую безобидную! – с нежной улыбкой погладила она свой выпирающий животик.

Уже справившаяся со слезами Рэми сидела всё так же у столбика и ужасно напоминала собой встрёпанного и промокшего воробушка.

– Парламентёром? – слабо удивилась она.

– Я присяду рядом? – спросила Вин и, получив робкий кивок, устроилась на кровати и принялась живо и весело объяснять: – Да, у наших гениальных стратегов там, кажется, паника. Я не очень поняла суть дела, – честно призналась она, – но уловила тот посыл, что ваш с Эртом брак как-то не задался, – и она выжидательно посмотрела на принцессу, надеясь на разъяснения.

Рэми, которая, совершенно точно, не имела склонности посвящать других в детали своих переживаний, нахмурилась и открестилась:

– Всё у нас в порядке.

Вин позволила скепсису выразиться на лице, во взгляде и в голосе и уточнила:

– Если всё в порядке, то почему Эрган там мечется раненым зверем и заламывает руки, а Рас рвёт на себе волосы, бьёт себя пяткой в грудь и восклицает, что ужасно ошибся? Я молчу про Каста, который с выражением вселенской скорби на лице кромсает мебель.

Если учесть, что Вин находилась в курительной меньше минуты, и за всё это время наблюдала только три мрачные неподвижные фигуры в креслах, то её вольная интерпретация ситуации выглядела бы откровенной ложью, если бы не... Если бы Эрган, и в самом деле, сидевший, заломив руку под неудобным углом, не успел бы снести пару предметов интерьера в предыдущем разговоре, если бы Рассэл, и в самом деле, не взлохматил себе всю шевелюру, поминутно запуская руку в волосы, и если бы Аркаст, в самом деле, во время раздачи своих инструкций брату машинальным движением не водил бы ножичком для бумаг по столу, оставив там несколько глубоких царапин. Острым женским взглядом Вин в момент заметила все эти тонкости и реконструировала картину, которой не видела, но в реальности которой не сомневалась ни капли.

– Они там меня обсуждают? – нахмурилась Рэми, которой совсем не улыбалось быть предметом подобных обсуждений.

Вин беспечно замотала ногами в воздухе и небрежным тоном отметила:

– Я точно не знаю, но так поняла, что они только что выяснили, что тебе не хотелось замуж за Эрта, да? – бросила она быстрый взгляд искоса на собеседницу, пытаясь подловить её реакции.

Рэми нахмурилась ещё пуше прежнего и вяло поинтересовалась:

– А они этого не знали?

Вин глубоко вздохнула, на секундочку зажмурилась, с вымученной беспечностью пояснила:

– Ну, ты же сама сюда приехала. Мы все думали, что... – она неопределённо повела плечом.

– Я не сама. – Тихо возразила Рэми, теребя пышную юбку. – Меня отец.

Вин выдохнула сквозь зубы и перечислила в своей голове десяток грязных ругательств.

Нийский король славился своей любовью к дочкам, поэтому никому из А-Ларресов и в голову не могла прийти мысль, что он решит вопрос брака младшенькой в обход её мнения.

– Упс, – резюмировала пронёсшиеся в голове непечатные слова Вин, – кажется, мне тоже теперь хочется заламывать руки, рвать на себе волосы и кромсать мебель! – рассмеялась она.

Рэми совершенно не поняла таких реакций.

– Почему? – выразила удивление она.

– Рэмии... – Вин шумно откинулась на спину, прихватив по дороге удобную подушку, и принялась объяснять: – Ты пойми, мы, конечно, не слепые, и видели, что ты не в восторге от нас, – она помотала в воздухе рукой. – Но мы все думали, что это из-за того, что на фоне блистательного нийского двора мы все кажемся тебе... деревенщинами какими-то, – хмыканье, в котором не было ни грамма обиды. – И потом, мы все очень любим Эрта, поэтому нам сложно было представить, что он не очарует с первого взгляда любую невесту. Мы правда думали, что ты приехала, потому что сама захотела, и не уехала, когда страна тебя разочаровала, потому что Эрт тебе понравился.

– У вас прекрасная страна, – возразила неожиданно Рэми.

Вин снова села и посмотрела на неё с любопытством:

– Вот так сюрприз! Видишь, всё оказалось с точностью наоборот! Мы думали, тебе понравился Эрт, но не понравился Мариан, поэтому ты так себя ведёшь. А оказывается – Мариан тебе понравился, а вот Эрт – не очень.

– Какая разница? – убитым голосом переспросила Рэми, не понимая, к чему весь этот странный разговор.

С глубоким вздохом Вин прижала подушку к животу и терпеливо пояснила:

– Но это же всё меняет, Рэми.

– Что – меняет? – разозлилась та. – Твой деверь сам мне вчера сказал, что вам не нужна война с моим отцом!

– Не нужна, – печально подтвердила Вин, сжимаясь и опираясь подбородком на подушку. – Но мы теперь обязательно что-нибудь придумаем.

Рэми посмотрела на неё с глубоким скепсисом.

Вин ответила тёплой всепонимающей улыбкой.

После рождения дочки у Вин проснулся очень сильный материнский инстинкт, который никак не желал ограничиваться одним ребёнком. Брать под своё крыло несчастных и обездоленных стало её образом жизни, и Рэми только что угодила в список тех, кого Вин взялась опекать.

– Мы что-нибудь придумаем, – с лёгким смехом заверила она. – И... Рэми, прости Лис. И нас всех тоже. Мы были неправы.

Немного помолчав, принцесса признала:

– Это был достойный ответ на моё поведение. Я не в претензии.

– Тогда ложись-ка спать и больше ничего не тревожься, – подскочила Вин и вдруг, оглядев нарядное платье невесты, вспомнила: – Тебе, наверно, нужно твою горничную прислать? Или давай я помогу?

Рэми в недоумении посмотрела на собственное платье.

– Помоги мне с корсетом, пожалуйста, – решила она. – С остальным я и сама справлюсь. С неловкими прибаутками Вин помогла принцессе расшнуроваться и сбежала вниз – туда, где её ждали трое хмурых мужчин.

С порога приняв грозный и воинственный вид, Вин заявила:

– Ну, и кого из вас мне убить первым? Гениального стратега, который разродился этой идеей? – пронзительный взгляд на Рассэла. – Или самоуверенного безумца, который эту идею реализовал? – перевела она стрелки на Эртана. – Или, – со сладкой улыбкой повернулась к мужу, – одного весьма дальновидного советчика, чьи уши заметно торчат из всей этой поспешности? – добавила она в голос вкрадчивых опасных ноток.

Все три брата непроизвольно слотнули и отвели взгляды.

– Всё ужасно? – с деланным весельем спросил у паркета Рассэл.

– Рэми не хотела сюда ехать, – сложила руки на груди Вин. – Её заставил отец. А обратно она не уехала, – убийственный взгляд Эртану, – потому что один предприимчивый политик вздумал угрожать ей войной.

– Я не угрожал! – возмутился тот.

– Кто ж вообще знал! – поддакнул Рассэл.

– Ты сама говорила, что девушки предпочитают решительных мужчин! – поднял руки Аркаст.

Каждому достался пронзительный испытующий взгляд.

Затем Вин прошла вперёд и устроилась в свободном кресле.

– Ваши предложения, господа? – сделала она приглашающий жест рукой.

– Ша! – предприимчивым тоном принялся импровизировать Рассэл. – Берём принцессу, везём в Ниию, рассказываем всё её отцу и разбираемся на месте!

– погоди, – властным жестом остановил его фантазии Эртан. – Сперва было бы недурно разобраться, почему король всё-таки отправил её к нам.

– Потому что она уже отвергла тридцать двух женихов, и ему надоела эта история, – незамедлительно отрапортовал Рассэл и получил целый букет удивлённых взглядов. – Что? Алиссия рассказала.

– Да ну, – махнул рукой Аркаст, отмечая эту причину. – Разве была такая уж нужда её замуж выдавать? Отвергла и отвергла, и что? Сколько ей, семнадцать?

– Восемнадцать, – уточнил Эртан.

– Тоже мне, беда, – фыркнул старший, вытягивая ноги. – Могла б ещё пару лет посидеть в девках.

– Или не пару, – согласился Эртан. – Неужто и впрямь нашёл в нашем предложении какую-то выгоду? – похмурился в удивлении он.

Спустя минуту молчания Рассэл предположил:

– Шпионаж.

Скептически фыркнули все, но по разным причинам.

– Да она ни с кем даже общаться не хочет, – отверг объяснение Эртан.

– Больно мы им нужны! – вторил Аркаст.

– Слишком невнимательна для шпионки, – покачала головой Вин.

Рассэл обвёл их насмешливым взглядом и уточнил:

– Так и шпионит не она.

– Ааа, – дошло до Эртана первым. – Ты что-то накопал на Алиссию? – с любопытством уточнил он.

Махнув рукой, Рассэл уточнил:

– Её письма весьма похожи на пространные донесения, разнесённые, правда, по разным адресатам, а выбор её партнёров на сегодняшнем балу показался мне несколько странным.

– Хм! – согласился Эртан, разглядывая потолок. – Тогда примем за базовую версию, что король пожертвовал дочерью, чтобы заслать к нам шпиона.

– Отошлём её в Ниию? – азартно предложил Рассэл. – Глядишь, король обозлится и затребует дочь назад?

– Мужчины! – возвела вверх глаза Вин. – Всё о политике, а главное-то и забыли! – на вопросительные взгляды пояснила: – Неплохо бы у самой Рэми выяснить, что она на этот счёт думает, нет?

Недоумение на лицах братьев сменилось смущением: об этом они и впрямь не подумали.

– Значит, так, – принялась распорядиться Вин. – Мы с Кастом забираем завтра наших в замок. Рас находит себе очередное дело – ведь у тебя же есть ещё десяток безумных планов, так? – получив кивок, она продолжила: – А Эрт на правах молодожёна посылает старцев с их делами и налаживает дипломатические отношения с женой. По результатам налаживаний соберёмся и решим, что делать дальше. Я к девочкам, объясняться, а вы – спать! – помахала она ладошкой и вышла.

– И кто тут после этого глава рода... – недовольно пробормотал Аркаст.

Братья отозвались понимающими вздохами.

Глава четырнадцатая и пятнадцатая в одном флаконе

Шумиха утренних немудрёных сборов прошла мимо спящей Рэми, поэтому с А-Ларресами она пересеклась уже только в холле перед их отъездом.

Пёстрая и шумная толпа виновато примолкла, завидев её, и принцесса в который раз почувствовала себя чужеродно и неловко, но длилось это недолго.

Первой из общей кучи сделала вперёд шаг Лис, высокая, бледная, стройная. Было видно, что она волнуется: она сжимала пальцы, явно подбадривая саму себя, и очень уж вздёргивала подбородок, откидывая волну чёрных волос на спину, что в её исполнении говорило обычно о неуверенности в себе.

– Рэми. – Решительно начала она, подойдя. – Я виновата. Я злилась и говорила, не подумав. Прости меня. – Её решительное лицо было весьма белым и напряжённым, но во взгляде стояло не смущение, а спокойное понимание невозможности исправить допущенную ошибку и готовность нести за эту ошибку ответственность.

– Мы тоже виноваты, – выступила вперёд Вин.

За ней незамедлительно сделали шаг Бени и Вента, встав по обе стороны от старшей подруги.

– Мы обижались, что ты так дурно о нас думаешь, – тихо добавила Вента.

– И мы не стали опровергать выдумку Лис, – мучительно покраснела Бени.

– Самый большой идиот тут я! – решительно поднял руку Эртан и оттеснил сестёр, выходя на первый план. Его серьёзный взгляд остановился на лице Рэми, и он продолжил: – Прости меня. Ты говорила, что хочешь уехать домой, а я отмахнулся от твоих слов и не рассмотрел их всерьёз. Я виноват.

– Я тоже, – оттеснил его плечом Рассэл. – Рэми, это я придумал всю эту историю, и если уж ты хочешь призывать громы и молнии, то зови их на мою голову, – покаянно опустил он обозначенную часть тела.

– Во всём есть и моя вина, – Аркаст встал рядом с братьями. – Это я настоял на такой поспешности, – он нахмурился, недовольный самим собой.

Рэми, потеряв дар речи, смотрела на них широко раскрытыми глазами с невероятным удивлением.

Они все сейчас застыли в ожидании её решения, и все выглядели, с одной стороны, единым целым – семьёй, с другой – каждый отличался от другого с несомненной ясностью.

Лис с гордо поднятой головой, её волнение всё еще находило выход в крепко стиснутых в передний замок пальцах. Вин с мягким огорчением на лице и слегка искривлённым разлётом длинных бровей, словно удивлённых и хмурых одновременно. Притихшая потупившая взгляд Вента и красная как маков цвет Бени с мучительным взглядом. Решительный и непоколебимый, как скала, Эртан, который стоял в центре и чуть впереди всех, словно принимая ответственность не только за свой выбор, но и за действия каждого из них. Поникший по правую руку от него Рассэл, в чьём искаженном лице читалось осознание сделанной ошибки. Хмурый, сложивший руки на груди Аркаст, по левую сторону от Эртана воплощающий скульптурное недовольство собой.

С удивлением Рэми почувствовала, как у неё дрожат губы; какое-то странное, незнакомое ей чувство поднялось с самого дна сердца, бешеной волной снося внутренние опоры. В глубоком смятении Рэми взмахнула руками в совершенно нетипичном для неё жесте и сквозь слёзы пробормотала:

– Да что же это... да зачем же вы?.. Это я так виновата перед вами... – мгновенно вспомнились ей все сказанные колкости, которые теперь, казалось, вонзились в её собственное сердце.

Лис и Вин подросли первыми. Подхватив принцессу в объятия с двух сторон, они тоже заплакали. Бени и Вента поодаль вытирали глаза и часто моргали. Аркаст, подойдя, гладил жену по волосам.

Минут пять длились всхлипы, ахи, вздохи и прочие сентиментальные штуки. Наконец, почти все А-Ларресы выкатились наружу, оставив в холле только Рэми и Эртана. Последний тоже моргал подозрительно часто, но крепился.

Рэми, в самом простом из своих домашних платьев, которое даже походило бы кроем на марианское, когда бы не подъюбник, прижимала кулачок ко рту и мотала головой, словно не веря или не принимая происходящее.

– Ничего не понимаю! – вдруг жалобно высказалась она.

Поскольку никого больше в холле не было – даже слуга ушёл выпроваживать хозяев – Эртан справедливо рассудил, что это риторическое восклицание можно принять в свой адрес.

– Ну, – пояснил он, помогая себе руками, – мы, это, были неправы.

Принцесса повернула к нему бледное лицо и повторила с некоторым даже отчаянием:

– Я не понимаю! Ладно Лис, хотя и там больше моей вины, – резко рубанула рукой она. – Но вы-то все! Я не понимаю. Это же политический брак, – почти по слогам пояснила она, словно это должно было всё объяснить, но по виду Эртана догадалась, что ничего ему не объяснила и повторила: – Это политический брак! Он не должен учитывать чувства людей, которые в него вступают, и это нормально!

Она никогда не предполагала, что брак такого рода когда-нибудь будет грозить ей, и, безусловно, её характер не позволял ей со смирением принять участие подобного рода. Но то, что А-Ларресы, кажется, чувствовали себя искренне виноватыми за то, что втянули её в эту историю, не укладывалось у неё в голове.

– Это нормально! – повторила она, пытаясь убедить то ли его, то ли саму себя.

Эртан нахмурился и сложил руки на груди. Несколько секунд он прожигал её суровым взглядом, а потом тихо, но веско ответил:

– Знаешь, Рэми. Нет никакого толка в том, чтобы быть правителем страны, если ты не можешь открыто признать, что браки, которые не учитывают чувства людей, – это ненормально.

Рэми удивлённо заморгала, потрясла головой, словно пыталась вытрясти его слова из своих ушей и отчаянно нахмурилась. Вот уж кто-кто, а правители стран более всех друг понимают, как мало значат чувства там, где начинаются политические интересы!

– Хмм, – с любопытством понаблюдал за её реакцией Эртан, склоняя голову набок, после чего с весёлой улыбкой заметил: – А как же реплика о том, что с таким политическим курсом и столь безмозглым правителем недолго Мариану стоять?

Принцесса приняла достойную позу, скорчила надменную физиономию и в том же тоне ответила:

– Ба! Явно не в моих интересах учить вашего правителя в этом вопросе уму-разуму!

Эртан одобрительно рассмеялся. Лицо его ощутимо расслабилось, а поза стала менее напряжённой.

– Окажешь мне честь приватной беседой в парке? – поинтересовался он, протягивая ей ладонь в приглашающем жесте.

Рэми посмотрела на его руку с тем же недоумением и скепсисом, что и всегда, но согласие дала. В отличии от своей руки.

В саду Эртан завёл её в беседку и некоторое время собирался с мыслями, подперев подбородок рукой и хмурясь самому себе. Потом начал издали:

– Понимаешь, Рэми, мы тут, в Мариане, вообще не сильны в политических браках, – попытался объяснить он. – Во внешнеполитических, – тут же поправился он. – Хотя и... нет, знаешь, – потерял мысль он, – последним А-Ларресом, который женился по расчёту, был мой прадед.

Рэми вежливо слушала, не понимая, к чему он ведёт.

Запустив пальцы в волосы, Эртан продолжил:

– И, наверное, мне стоило подумать как раз о нём, но, понимаешь, все помнят, что его брак был счастливым, но как-то забывают, что начался-то он с того, что моя прабабка целый год носилась за ним по всему Мариану с кинжалом в руках и пыталась убить.

– Впечатляет, – бледно улыбнулась Рэми, всё ещё не понимая, как это введение в семейные хроники относится к ней.

– Не то слово! – неожиданно рассмеялся Эртан и тут же посерьёзnel: – Она ведь его убила, Рэми. Ну, почти, – снова быстрая поправка. – Сама зарезала, сама потом и выхаживала. Прадед так потом всю жизнь и смеялся, что не знает, с чего бы такая честь, не иначе как кровь ему к лицу оказалась, – слабая усмешка. – А прабабка отшучивалась, что уж больно хорош был, бледный с красными подтёками, рука не повернулась добить. Но с тех пор у нас в семье как-то и завязали с этим делом... ну, чтобы по расчёту, – пояснил он.

Рэми очаровательно улыбнулась:

– Пока Рассэлу не пришла в голову блестящая идея женить тебя на нийской принцессе.

– Да! – обрадовался неожиданной помощи Эртан, совсем сбившийся с мыслей. – Ты даже себе представить не можешь...

Он опять запнулся, но она с понимающей улыбкой подхватила:

– Всех выгод открывающихся политических перспектив. Как раз могу. Зачем этот брак понадобился вам, я понимаю. А вот зачем он был нужен отцу... – её лицо искривилось застарелой обидой.

Эртан с пониманием кивнул и уточнил:

– А ты ему напрямую говорила, что не хочешь? Может, он не так понял?

Рэми смерила его скептическим взглядом и заверила:

– О, я закатила замечательный скандал. Но всё, что получила в ответ, – решение, мол, принято, не вижу причин отказывать, умён и хорош собой, бери и не жалуйся, – скривилась она.

Учитывая, что Эртан мог сходу назвать десяток причин, по которым нийский король мог бы ему отказать, ясности эти сведения не добавили.

– Ну, кажется, его надежд я не оправдал, – соскоморошничал Эртан, на её вопросительный взгляд пояснив: – Не так уж умён и не так уж хорош собой, как мы вчера выяснили.

Со смущением Рэми неопределённо повела плечом, явно не желая вдаваться в подробные беседы о вчерашнем.

Разговор заглох. Эртан окончательно потерял ту мысль, которую пытался высказать, а Рэми так и не поняла, что он пытался объяснить.

Должно быть, это просто была неудачная попытка сказать: «Извини, я не хотел, чтобы так получилось».

Снова попиравшись подбородком на ладонь, Эртан снова собрался с мыслями и выдал следующую тему:

– Рэми, давай разбираться теперь, что делать дальше. Мы все, прежде чем принимать дальнейшие решения, хотим узнать, чего хочешь ты, – декларировал он.

От таких деклараций принцесса растерялась настолько, что потеряла контроль над выражением своего лица. Вместо удачного надменного ракурса оно вытянулось, а изящный рисунок бровей поломался. Эртан следил за этой переменной с недоумением: как ему казалось, вопрос его не должен был показаться чрезмерно сложным. Однако мелькнувшая в её глазах растерянность натолкнула его на верные мысли, и он уточнил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.